

Механическая ПРИНЦЕССА

КАССАНДРА КЛЭР
АДСКИЕ МЕХАНИЗМЫ

КНИГА III

THE NEW YORK TIMES BESTSELLER

Кассандра Клэр
Механическая принцесса
Серия «Сумеречные охотники»
Серия «Адские механизмы
(АСТ)», книга 3

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17196099

Адские Механизмы. Книга III. Механическая принцесса: Издательство

АСТ; М.; 2016

ISBN 978-5-17-092907-8

Аннотация

Англия, Лондон, викторианская эпоха. Получив письмо от пропавшего брата, Тесс Грей приезжает в Англию. Оказавшись в Лондоне, она обнаруживает Нижний мир, по улицам которого бродят вампиры, могущественные чародеи и оборотни. Письмо брата оказывается ловушкой, и Тесс попадает в беду. Спаситься ей помогают Сумеречные охотники, но тучи снова сгущаются. Целая армия безжалостных роботов создана, чтобы уничтожить Охотников. Таинственный Магистр мечтает заполучить Тесс, ведь она – недостающий элемент темного плана. Уилл и Джем готовы на все ради ее спасения...

Содержание

Пролог	5
1	15
2	38
3	63
4	90
5	121
6	147
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Кассандра Клэр

Адские Механизмы.

Книга III. Механическая принцесса

Copyright © 2013 by Cassandra Clare, LLC

© Е. Фоменко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Посвящается семье Льюис: Мелани, Джонатану
и Хелен*

Я твердо верил, как и тот,
Кто лире вторит и поет,
Что каждый может по пути
От смерти к небесам пройти.

Альфред, лорд Теннисон, «Памяти А. Г. Х.»

Пролог

Йорк, 1847 год

– Я боюсь, – сказала маленькая девочка, сидевшая на кровати. – Дедушка, не уходи.

Алоизий Старквезер раздраженно кашлянул, придвинул стул ближе к кровати и уселся на него. Раздражение было не вполне искренним: внучка так доверяла ему, что частенько лишь он один мог ее успокоить, и старику это льстило. Девочка даже не боялась его грубых манер, хотя была очень чувствительна.

– Бояться нечего, Адель, – сказал он. – Вот увидишь.

Она посмотрела на деда огромными глазами. Обычно церемония первого нанесения рун проходила в одном из просторных залов Йоркского Института, но из-за слабого здоровья Адели обряд решили провести у нее в комнате: так девочке будет спокойнее. Она сидела на краешке кровати, очень напряженно и неподвижно. Мягкие светлые волосы были стянуты красной лентой под цвет парадного платья, в которое девочку облачили для церемонии. Глаза ее казались огромными на худеньком лице, ручки – совсем тоненькими. Адель была хрупкой, как фарфоровая чашка.

– Безмолвные Братья, – прошептала она. – Что они со мной сделают?

– Дай мне руку, – велел Алоизий, и девочка доверчиво протянула ему правую руку. Он развернул ее ладонью вверх, глядя на бледно-голубые ниточки вен под кожей. – Они возмут стило – ты ведь знаешь, что это такое, правда? – чтобы начертать на тебе Метки. Обычно начинают с руны ясновидения, о которой тебе потом расскажут на занятиях, но в твоём случае первой станет руна силы.

– Потому что я слишком слабая?

– Она нужна, чтобы укрепить твоё здоровье.

– Как говяжий бульон, – поморщилась Адель.

Алоизий рассмеялся.

– Надеюсь, она будет не такой противной. Будет немножко жечь, но будь смелой и не плачь, ведь Сумеречные охотники не плачут от боли. Потом жечь перестанет, и ты почувствуешь себя лучше, станешь сильнее. На этом церемония закончится, и мы пойдем вниз, где для нас уже приготовят пирожные с глазурью.

– И будет праздник! – нетерпеливо подхватила она.

– Да, и праздник. И подарки. – Алоизий похлопал по карману, где была спрятана маленькая коробочка, завернутая в тонкую голубую бумагу. В коробочке лежало крошечное фамильное кольцо. – Я уже кое-что для тебя приготовил. Ты получишь это, как только церемония завершится.

– Раньше в мою честь никогда не устраивали праздников!

– Но ты ведь становишься Сумеречной охотницей, – объяснил Алоизий. – Ты понимаешь, насколько это важно? Пер-

вые руны сделают тебя нефилимом – таким же, как я и как твои мама с папой. Ты войдешь в Конклав. Станешь воительницей, как и все мы, – и даже лучше. Ты будешь лучше всех!

– Лучше всех, – медленно повторила она, и тут дверь ее комнаты отворилась.

Вошли двое Безмолвных Братьев. Адель отдернула руку, и Алоизий заметил, как в глазах девочки мелькнул страх. Дед нахмурился: ему не нравилось, когда его потомкам недовсавало отваги, но все же нельзя было отрицать, что Братья внушают ужас своим молчанием и странными, подчеркнутыми плавными движениями. Они подошли к кровати Адели, и дверь открылась снова: вошли родители девочки. Ее отец, сын Алоизия, был в алой тунике, мать – в красном платье с широкой юбкой-колоколом. На шее у матери красовалось золотое ожерелье с подвеской в форме руны *энкели*. Родители улыбнулись дочери, и та робко улыбнулась в ответ, хотя Безмолвные Братья уже подошли вплотную.

– Адель Люсинда Старквезер, – прозвучал у нее в голове голос первого Безмолвного Брата, брата Кимона. – *Ты достигла положенного возраста. Настало время начертать на тебе первую из Меток Ангела. Понимаешь ли ты, какую тебе оказывают честь, и пойдешь ли на все, чтобы оправдать доверие?*

Адель покорно кивнула.

– Да.

– *Принимаешь ли ты Метки Ангела, которые навсегда*

останутся на твоём теле как напоминание обо всем, чем ты обязана Ангелу, и о твоём священном долге перед миром?

Она снова послушно кивнула. Сердце Алоизия наполнилось гордостью.

– Принимаю, – сказала Адель.

– *Тогда приступим.*

В длинной белой руке Безмолвного Брата блеснуло стилlo. Он взял дрожащую руку девочки и прижал острое к ее коже.

Из-под кончика стилlo потекли и закружились черные линии, и Адель заворуженно глядела, как на бледной коже предплечья постепенно проступает изящный узор. Тонкие линии сплетались друг с другом, пересекая вены, опутывая руку. Все тело девочки напряглось, зубы впились в верхнюю губу. Адель вскинула глаза на деда, и тот вздрогнул, поймав ее взгляд.

Боль. Когда наносят Метку, всегда бывает немного больно, но в глазах Адели читалась настоящая мука.

Алоизий вскочил, едва не опрокинув стул.

– Стойте! – крикнул он, но было слишком поздно.

Руна была завершена. Безмолвный Брат отстранился, рассматривая ее. На стилlo блестела кровь. Адель всхлипывала, помня наказ деда не плакать в голос, но вот ее окровавленная, изрезанная кожа стала расползаться, чернея и сгорая под руной, словно в огне, и девочка, не в силах больше сдерживаться, откинула голову и без стеснения зарыдала...

Лондон, 1873 год

– Уилл? – Шарлотта Фэйрчайлд приотворила дверь зала для тренировок. – Уилл, ты здесь?

В ответ раздалось лишь приглушенное ворчание. Управительница Института распахнула дверь настежь и вошла в просторную комнату с высоким потолком. Сама она все детство тренировалась здесь и знала как свои пять пальцев и каждую щель в паркете, и старую мишень, нарисованную на северной стене, и квадратные окна с древними, просевшими рамами. Уилл Эрондейл стоял посреди зала с ножом в правой руке.

Он повернулся к Шарлотте, и та в очередной раз подумала, какой же он странный ребенок – да, в сущности, уже и не ребенок, хотя ему всего двенадцать. Он был очень хорош собой. Густые темные волосы, слегка выющиеся на концах, сейчас промокли от пота и липли ко лбу. Когда Уилл впервые появился в Институте, кожа его была обветренной и смуглой от деревенского солнца, но за полгода городской жизни побледнела, и теперь на его скулах то и дело проступали пятна румянца. Синие глаза светились удивительным светом. Однажды этот подросток превратится в красивого мужчину – если, конечно, избавится от привычки хмуриться.

– Что такое, Шарлотта? – бросил он, вытирая рукавом пот со лба.

Он по-прежнему говорил с легким валлийским акцентом,

растягивая гласные, и это было бы мило, если бы не раздраженный тон. Шарлотта остановилась на пороге, не решаясь подойти ближе.

– Я тебя уже несколько часов ищу! – Слова ее прозвучали резковато, но Уилла этим было не пронять. Его вообще сложно было чем-то пронять, когда он бывал не в духе, а не в духе он бывал практически всегда. – Разве ты не помнишь, о чем я говорила вчера? Сегодня мы встречаем нового ученика.

– Помню, конечно. – Уилл метнул нож и снова нахмурился, когда тот вошел в стену за границей мишени. – Просто мне это неинтересно.

Мальчишка, стоявший за спиной у Шарлотты, издал какой-то сдавленный звук. Ей показалось, что это смех, но с чего ему было смеяться? Ее предупреждали, что у мальчика, который должен был прибыть в Институт из Шанхая, проблемы со здоровьем, но она все равно замерла от неожиданности, когда он вышел из экипажа – бледный, шатающийся, как травинка на ветру, с подернутыми сединой темными волосами. Казалось, ему лет восемьдесят, а никак не двенадцать. Лицо у него было узкое, с точеными чертами, а глаза – огромные и серебристо-черные, красивые и в то же время пугающие.

– Уилл, будь повежливее, – велела Шарлотта, пропуская мальчишку вперед и слегка подталкивая его в спину. – Не сердись на Уилла, он просто не в настроении. Уилл Эрон-

дейл, позволь познакомить тебя с Джеймсом Карстерсом из Шанхайского Института.

– Джем, – сказал мальчик. – Все зовут меня Джемом.

Он шагнул глубже в комнату и встретился глазами с Уиллом, глядя на него с дружеским любопытством. К удивлению Шарлотты, Джем говорил безо всякого акцента. Впрочем, отец его – то есть покойный отец – как-никак был британцем.

– И ты можешь меня так называть.

– Ну, раз тебя все так зовут, вряд ли это можно считать моей особой привилегией, правда? – резко бросил Уилл. Для мальчишки своего возраста он грубил с невероятной изобретательностью. – Думаю, вскоре ты поймешь, что для нас обоих будет лучше, если ты, Джеймс Карстерс, оставишь меня в покое.

Шарлотта едва слышно вздохнула. Она надеялась, что этот мальчик, ровесник Уилла, сможет смягчить его, но Уилл, похоже, не шутил, заявив, что ему нет дела до новых Сумеречных охотников, которые приезжают в Институт. Ему не хотелось ни с кем дружить, в друзьях он не нуждался. Шарлотта взглянула на Джема, ожидая, что тот моргнет от удивления или обиды, но мальчик лишь улыбался, как будто Уилл был котенком, который попытался его укусить.

– Я не тренировался с того дня, как покинул Шанхай, – сказал он. – Мне бы не помешал партнер для спарринга.

– Мне бы тоже не помешал партнер, – ответил Уилл. – Но

мне нужен боец моего уровня, а не какой-то слабак, который выглядит так, словно уже одной ногой стоит в могиле. Хотя, думаю, из тебя получится прекрасная мишень.

Зная о Джеймсе Карстерсе кое-что, чего не знал Уилл, Шарлотта ужаснулась. «Одной ногой стоит в могиле, о боже!» Что там говорил ее отец? Жизнь мальчика, кажется, зависела от какого-то наркотика, который продлевал его дни, но не мог спасти его. «Ох, Уилл...»

Шарлотта сделала шаг, чтобы встать между мальчишками, как будто могла защитить Джема от жестоких слов Уилла, которые на сей раз угодили точно в цель, о чем он сам и не догадывался. Но затем она остановилась.

Ни один мускул не дрогнул на лице Джема.

– Если ты хочешь сказать, что я похож на умирающего, то ты прав, – произнес он. – Жить мне осталось года два, а если повезет – три. По крайней мере, мне так сказали.

Даже Уилл не смог скрыть удивления. Щеки его вспыхнули.

– Я...

Но Джем уже подошел к нарисованной на стене мишени и вытащил нож из дерева. Затем он вернулся обратно и остановился в шаге от Уилла. Несмотря на хрупкое сложение, он был с ним одного роста.

– Можешь использовать меня вместо мишени, если хочешь, – продолжал Джем так спокойно, словно речь шла о погоде. – Но мне, похоже, нечего бояться, ведь с меткостью

дела у тебя довольно плохи.

Он развернулся, прицелился и метнул нож. Тот воткнулся в самый центр мишени и остался торчать, слегка покачиваясь.

– А можешь, – добавил Джем, снова повернувшись к Уиллу, – можешь позволить *мне* кое-чему тебя научить. Ведь у меня, как видишь, с меткостью все в порядке.

Шарлотта с удивлением смотрела на мальчиков. Уилл полгода отталкивал любого, кто пытался с ним сблизиться, – учителей, ее отца, ее жениха Генри, обоих братьев Лайтвудов, – умело сочетая ненависть с прицельной жестокостью. Если бы она, единственная из всех, собственными глазами не видела, как Уилл плачет, она бы, наверное, тоже давно потеряла надежду, что он сможет поладить хоть с кем-то. Но вот он смотрел на Джема Карстера, который казался таким хрупким, словно был сделан из стекла, и жесткое выражение его лица постепенно сменялась неуверенностью.

– Ты же не умираешь на самом деле? – наконец спросил он таким странным тоном, какого Шарлотта от него никогда не слышала. – Или умираешь?

– Насколько мне известно, умираю, – ответил Джем.

– Прости, – сказал Уилл.

– Ничего, – мягко ответил Джем. Он сбросил куртку и вытащил еще один нож из-за пояса. – Не будь как все. Не извиняйся. Лучше потренируйся со мной.

Он протянул нож Уиллу рукояткой вперед. Шарлотта за-

таила дыхание, боясь пошевелиться. Она чувствовала, что на ее глазах происходит что-то очень важное, хотя и не могла сказать что именно.

Уилл протянул руку и, не отводя взгляда от лица Джема, взял нож. Их пальцы соприкоснулись, когда он забирал оружие. Впервые Шарлотта увидела, как Уилл по собственной воле прикоснулся к другому человеку.

– Хорошо, – сказал он. – Давай потренируемся.

1

Жуткий скандал

*Свадьба в понедельник – будет вам здоровье,
Под венец во вторник – будет вам раздолье,
Если свадьба в среду – дня лучше не сыскать.
В четверг жениться – быть беде,
А в пятницу – вам жить в нужде,
Ну а в субботу свадьба – и счастья век не знать.*
– Народная присказка

– Декабрь – удачный месяц для свадьбы, – сказала портниха, которая за годы работы прекрасно научилась разговаривать с полным ртом иголок. – Говорят ведь: как в декабре снежок пойдет, женись – любовь не пропадет. – Она вколола в платье последнюю булавку и отступила назад. – Готово. Что скажете? Я его скроила по одной из моделей самого Уорта!

Тесс взглянула на свое отражение в высоком трюмо, стоявшем у нее в спальне. Платье было сшито из темно-золотого шелка, как того требовал обычай Сумеречных охотников. Они считали белый цветом траура, не подходящим для свадьбы, – вопреки моде, которую задала в день своего бракосочетания сама королева Виктория. Тугой корсаж и рукава были отделаны тонким кружевом.

– Прелестно! – Шарлотта хлопнула в ладоши и подалась вперед. Ее карие глаза сияли от радости. – Тесс, тебе так идет

этот цвет!

Тесс повертелась перед зеркалом. На фоне золота щеки ее казались не такими бледными. Корсет в форме песочных часов подчеркивал и округлости фигуры, и тонкую талию, а на шее мерно и успокоительно тикал механический ангел. Чуть ниже спускалась цепочка с нефритовой подвеской, которую подарил ей Джем. Тесс носила их вместе, не желая расставаться ни с одним из украшений.

– Вам не кажется, что кружева многовато?

– Вовсе нет! – Шарлотта откинулась на спинку стула и сама не заметила, как положила одну руку на живот, словно защищая его. Она всегда была слишком худенькой – даже чересчур, – чтобы носить корсет, а теперь, ожидая ребенка, и вовсе стала выбирать платья с завышенной талией, в которых походила на маленькую нахохлившуюся птичку. – Это ведь твоя свадьба, Тесс! Когда еще наряжаться, как не на свадьбу? Только представь все это!

Тесс частенько мечтала об этом ночами. Она все еще сомневалась, поженятся ли они с Джемом, ведь Совет еще не принял окончательного решения по их вопросу. Но это не мешало ей мечтать. Она всегда представляла, как идет по проходу под руку с Генри, не глядя ни направо, ни налево, – устремив взор только на своего суженого, как и положено настоящей невесте. Джема она видела в тунике, но не боевой, а праздничной, как парадная военная форма: черных с золотыми полосами на запястьях и золотыми рунами, пущенны-

ми по воротнику и планке.

Он так молод. Они оба так молоды. Тесс понимала, что семнадцать и восемнадцать – это рановато для брака, но у них каждая секунда была на счету.

Каждая секунда утекающей жизни Джема.

Тесс поднесла руку к шее и почувствовала знакомую дрожь механического ангела. Крылья царапнули ей ладонь. Портниха озабоченно посмотрела на Тесс. Она была из простецов, но обладала особым Зрением, как и все, кто служил Сумеречным охотникам.

– Хотите убрать кружево, мисс?

Не успела Тесс ответить, как в дверь постучали. Раздался знакомый голос:

– Это Джем. Тесс, ты здесь?

Шарлотта тут же выпрямилась.

– Ох! Он не должен тебя видеть в этом платье!

Тесс уставилась на нее с недоумением.

– Почему?

– Таков обычай Сумеречных охотников. Плохая примета! – Шарлотта поднялась на ноги. – Быстрее! Спрячься за шкафом!

– За шкафом? Но...

Тесс не удалось договорить: Шарлотта схватила ее за запястье и потащила к шкафу, как полицейский тащит особенно упрямого преступника. Когда хватка ослабла, Тесс отряхнула платье и выразительно посмотрела на Шарлотту, но все-

таки осталась в укрытии. Портниха вытаращила глаза, но промолчала и пошла открывать дверь.

Показалась серебристая шевелюра Джема – немного растрепанного. Пиджак сидел на нем криво. Озадаченно покрутив головой, он наконец заметил прячущихся за шкафом Шарлотту и Тесс, и взгляд его просиял.

– Слава богу, – сказал он. – Я никак не мог понять, куда вы обе подевались. Там, внизу, Габриэль Лайтвуд – и он устроил жуткий скандал.

– Напиши им, Уилл, – попросила Сесили Эрондейл. – Пожалуйста. Всего одно письмо.

Уилл откинул назад влажные от пота темные волосы и свирепо уставился на сестру.

– Встань в стойку, – только и сказал он и указал кончиком кинжала на ее ноги. – Одну – сюда, другую – туда.

Сесили вздохнула и передвинула ноги. Она знала, что стояла неправильно, и делала это специально, чтобы позлить Уилла. Это было несложно. Сесили прекрасно помнила это еще с тех пор, когда ему было двенадцать. Когда его подначивали сделать что-нибудь опасное – например, залезть на крутой скат крыши поместья, – реакция всегда была одна: в глазах Уилла вспыхивали сердитые синие огоньки, подбородок выдвигался вперед... и дело иногда кончалось сломанной рукой или ногой.

Само собой, этот Уилл, почти уже взрослый, был вовсе

не тем мальчишкой, которого Сесили помнила с детства. Он стал куда более раздражительным и замкнутым. Красота матери сочеталась в нем с отцовским упрямством – и, надо полагать, с отцовской же склонностью к пагубным пристрастиям, хотя об этом Сесилия могла только догадываться на основании слухов, ходивших среди обитателей Института.

– Подними клинок, – велел Уилл так же холодно и подчеркнуто профессионально, как обычно разговаривала ее гувернантка.

Сесили подняла оружие. Она не сразу привыкла носить боевое облачение – брюки и свободную тунику, схваченную поясом на талии, – но теперь двигалась в них так же легко, как в самой простой ночной сорочке.

– Не понимаю, почему ты не хочешь им написать. Всего одно письмо!

– Не понимаю, почему ты не хочешь вернуться домой, – парировал Уилл. – Стоит тебе самой вернуться в Йоркшир, как ты сразу прекратишь волноваться за наших родителей, а я смогу устроить...

– Уилл, может, пари? – перебила его Сесили, которая слышала эту гневную тираду уже в тысячный раз.

Она одновременно обрадовалась и огорчилась, заметив, как вспыхнули глаза Уилла. Точно так же вспыхивали отцовские глаза, когда кто-то вызывал его на спор. Мужчины так предсказуемы!

– Какое пари?

Уилл сделал шаг вперед. Сесилия видела метки у него на запястьях и руну памяти на шее. Поначалу все метки казались ей уродливыми, но теперь она привыкла к ним – как привыкла и к боевой одежде, и к гулкому эху, гулявшему в просторных залах Института, и к его своеобразным обитателям.

Она махнула рукой в сторону старинной мишени, нарисованной на стене: черное яблочко было заключено в круг побольше.

– Если я трижды попаду в яблочко, ты напишешь письмо маме с папой и расскажешь, как у тебя дела. А еще обязательно упомянешь о проклятии и объяснишь, почему ты уехал.

Лицо Уилла стало непроницаемым – так случалось всегда, когда Сесили обращалась к нему с этой просьбой. Но он все же ответил:

– Ты ни за что не попадешь трижды.

– Что ж, Уильям, тогда ничто тебе не мешает принять вызов.

Сесили умышленно назвала брата полным именем. Она знала, что его это раздражает, хотя когда так поступал Джем, лучший друг Уилла – нет, его парабатай (а это, как выяснила в Институте Сесили, было нечто совершенно особенное) – Уилл, похоже, принимал это за выражение приязни. Возможно, дело было в том, что он все еще помнил, как сестра ковыляла за ним на нетвердых ногах, выкрикивая с вал-

лийским акцентом: «Уилл! Уилл!» В детстве она никогда не называла его Уильямом – только Уиллом или, совсем уж по-валлийски, Гвиллимом.

Темно-синие – такие же, как у самой Сесили, – глаза Уилла опасно сузились. Когда мама говорила, что Уилл подрастет и разобьет немало сердец, Сесили всегда смотрела на нее с сомнением. Уилл тогда был кожа да кости – тощий, растрепанный и вечно грязный. Но теперь она поняла маму. Когда она в первый раз вошла в столовую Института и брат в изумлении вскочил на ноги, у Сесили в голове пронеслось: «И это Уилл? Не может быть!»

Тогда он обратился к ней эти глаза – точь-в-точь как у матери, – и Сесили прочла в них ярость. Брат совсем не обрадовался встрече. Но главное, она помнила его худеньким мальчиком со спутанными, черными, как у цыгана, волосами и в перепачканной одежде, – а теперь перед ней был высокий, пугающий мужчина. Слова, которые она хотела сказать, застряли у нее в горле, и она так же молчаливо уставилась на него. С тех пор ничего не изменилось: Уилл едва замечал присутствие сестры, как будто она была камушком у него в ботинке – постоянной, но несущественной помехой.

Глубоко вдохнув, Сесили подняла голову и приготовилась метнуть первый кинжал. Уилл не знал и никогда не узнает о том, сколько времени она провела в одиночестве у себя в комнате, тренируясь распределять по руке вес клинка и наконец сообразив, для хорошего броска надо работать не

только кистью. Она опустила обе руки, а затем отвела правую назад, за голову, и плавным движением выбросила ее вперед, перенося вместе с рукой и вес всего тела. Кончик кинжала указывал точно в цель. Метнув его, Сесили опустила руку и шумно вздохнула.

Клинок вошел в стену точно в центре мишени.

– Один, – сказала Сесили, самодовольно улыбнувшись.

Уилл холодно взглянул на нее, выдернул кинжал из стены и передал его сестре.

Сесили метнула его снова. Как и в первый раз, клинок пронзил яблочко и остался, подрагивая, торчать из стены.

– Два, – торжественно произнесла Сесилия.

Уилл стиснул зубы, но снова вытащил кинжал и вернул его девушке. Она улыbnулась. В этот миг она была уверена в себе, как никогда. Она знала, что у нее все получится. Она ни в чем не уступала Уиллу: так же высоко лазила, так же быстро бегала и так же надолго задерживала дыхание...

Сесили метнула клинок. Тот вошел в цель, и девушка подпрыгнула, захлопав в ладоши. Отбросив с лица рассыпавшиеся волосы, она смерила брата победным взглядом.

– Теперь ты обязан написать письмо. Ты проиграл!

К ее удивлению, Уилл улыbnулся.

– Ладно, напишу, – сказал он. – Напишу, а потом сожгу. – Сесили издала возглас возмущения, но брат предостерегающе поднял руку. – Я сказал, что напишу письмо. Но не говорил, что я его отправлю.

У Сесили перехватило дыхание.

– Да как ты смеешь играть со мной в такие игры?

– Я же говорил, ты не создана для ремесла Сумеречных охотников. Тебя слишком легко обвести вокруг пальца. Я не буду писать письмо, Сеси. Это противоречит Закону – и точка.

– Как будто тебе есть дело до Закона! – Сесили топнула ножкой и тотчас вышла из себя еще больше: она всегда презирала девчонок, которые так делали.

Глаза Уилла сузились.

– Как будто тебе есть дело до того, чтобы стать Сумеречным охотником! Ну а что ты скажешь на это: я напишу письмо и отдам его тебе, если ты пообещаешь, что сама отвезешь его домой – и никогда не вернешься?

Сесили вздрогнула. Она помнила множество скандалов с Уиллом, помнила своих фарфоровых куколок, которых он разбил, вышвырнув из окна мансарды... но память ее хранила и ту доброту, которую он проявлял к ней: брат мог забинтовать ей оцарапанное колено или поправить ленты в растрепавшихся волосах. В том Уилле, который теперь стоял перед ней, не было этой доброты. Целый год после его отъезда мама часто плакала. Прижимая к себе Сесили, она говорила, что Сумеречные охотники лишат его способности любить. Эти бессердечные создания, твердила она, пытались запретить ей выйти замуж. Что в них нашел Уилл, что в них нашел ее сынишка?

– Я не поеду, – промолвила Сесили, не отводя глаз от брата. – А если ты будешь настаивать, я... я...

Дверь чердака отворилась, и на пороге появился Джем.

– О, – сказал он, – смотрю, вы опять на ножах. Давно ругаетесь или только начали?

– Он начал первый, – заявила Сесили, указав на Уилла, хотя и понимала, что это бесполезно. Джем относился к ней со сдержанной теплотой, как и положено относиться к младшим сестрам друзей, но во всяком споре принимал сторону своего парабата. Он мягко, но решительно ставил Уилла превыше всего в этом мире.

Точнее, почти всего. Сесили была очарована Джемом с первого своего дня в Институте. Необычная, неземная красота его серебристых волос и глаз, точеных черт его лица притягивала взгляд. Он был похож на сказочного принца, и Сесили, возможно, влюбилась бы в него, если бы не было так очевидно, что он по уши влюблен в Тесс Грей. Джем следил за каждым ее шагом, а при разговоре с ней голос его менялся. Когда-то мама Сесили с восхищением заметила, что их сосед смотрит на какую-то девушку так, словно она – единственная звезда на небосклоне. Вот именно так Джем и смотрел на Тесс.

Сесили не огорчалась из-за этого: Тесс была мила и любезна, хотя и немного застенчива, и вечно сидела над книгами, прямо как Уилл. Если Джему нравились именно такие девушки, Сесили точно не подошла бы ему. Кроме то-

го, чем дольше она жила в Институте, тем лучше понимала, как неловко почувствовал бы себя в такой ситуации Уилл. Он яростно оберегал Джема и глаз бы с нее не спустил, опасаясь, что она может ненароком расстроить или чем-то обидеть его. Нет, лучше уж держаться от всего этого подальше.

– Я как раз собирался связать Сесили и скормить ее уткам в Гайд-парке, – заявил Уилл, откинув назад влажные волосы и одарив Джема улыбкой. – Твоя помощь не помешает.

– Увы, с сестроубийством тебе придется повременить. Внизу ждет Габриэль Лайтвуд, а у меня для тебя есть пара слов. И это твои *любимые* слова – во всяком случае, когда они стоят вместе.

– Полный болван? – предположил Уилл. – Мерзкий выскочка?

– *Демонический сифилис*, – с улыбкой ответил Джем.

В одной руке Софи легко и уверенно держала нагруженный поднос, а другой стучала в дверь Гидеона Лайтвуда.

Послышались торопливые шаги, и дверь распахнулась. Гидеон предстал перед Софи в брюках на подтяжках и в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами. Руки его были влажными, как будто он только что расчесывал пальцами мокрые волосы. Сердце Софи дрогнуло, и она заставила себя нахмуриться.

– Мистер Лайтвуд, – сказала она, – я принесла булочки, которые вы просили, а еще тарелку сэндвичей. Бриджет при-

готовила их специально для вас.

Гидеон пропустил Софи в комнату. Его спальня ничем не отличалась от других жилых комнат в Институте: темная тяжелая мебель, огромная кровать с балдахином, широкий камин и высокие окна, выходявшие во двор. Пересекая комнату, чтобы поставить поднос на столик у огня, Софи почувствовала на себе взгляд Гидеона. Выпрямившись, она повернулась к нему, сложив на груди руки.

– Софи... – начал он.

– Мистер Лайтвуд, – перебила она, – будут ли у вас еще какие-нибудь распоряжения?

Взгляд Гидеона был наполовину вызывающим, наполовину печальным.

– Зови меня, пожалуйста, Гидеоном.

– Я уже говорила вам, что не могу звать вас по крестному имени.

– Я Сумеречный охотник, у меня нет крестного имени. Пожалуйста, Софи... – Он шагнул к ней. – До того как я поселился в Институте, мне казалось, что мы друзья. Но с самого моего приезда ты так холодна со мной...

Софи невольно прикоснулась рукой к лицу, вспомнив мастера Тедди – сына своего прошлого господина. Он вечно зажимал ее в темных углах, распускал руки, залезая за корсаж и бормотал ей на ухо, что ради собственной выгоды ей следовало бы вести себя более дружелюбно. Даже сейчас от одной мысли о Тедди девушка содрогнулась.

– Софи... – В уголках глаз Гидеона появились тревожные морщинки. – Что случилось? Если я чем-то обидел тебя, если пренебрег тобой, скажи – и я попытаюсь загладить вину...

– Нет, вы не обижали меня и не пренебрегали мной. Вы – господин, а я – служанка. Мне не хочется переступить черту. Мистер Лайтвуд, пожалуйста... не нужно ставить меня в такое неловкое положение.

Гидеон поднял было руку, но после этих слов опустил ее. Он казался таким удрученным, что сердце Софи смягчилось. «Я потеряю все, а ему терять нечего», – напомнила она себе. Этими словами она убеждала себя, лежа ночами на узкой кровати и помимо воли вспоминая его глаза цвета грозового неба.

– Я думал, мы друзья, – сказал он.

– Я не могу быть вашим другом.

Он подошел еще ближе.

– А что, если я как раз собирался спросить тебя...

– Гидеон! – С трудом переводя дух, в комнату ворвался Генри в одном из своих ужасных жилетов – зеленом в оранжевую полоску. – Твой брат здесь. Он там, внизу...

Глаза Гидеона округлились.

– Габриэль здесь?

– Да. Кричит что-то о вашем отце, но отказывается посвящать нас в подробности, пока ты не придешь. Он не шутит. Пойдем.

Гидеон помедлил, переводя взгляд с Генри на Софи.

– Я...

– Пойдем, Гидеон. – Генри редко бывал настойчив, но в такие моменты спорить с ним было невозможно. – Он весь в крови.

Побледнев, Гидеон потянулся к мечу, висевшему возле двери.

– Уже иду.

Габриэль Лайтвуд стоял в прихожей, прислонившись к стене. Камзола на нем не было, а рубашку и брюки покрывали алые пятна. Сквозь открытые двери Тесс увидела остановившийся снаружи, у крыльца, экипаж Лайтвудов с огненным гербом на боку. Должно быть, Габриэль приехал сюда один.

– Габриэль, – ласково произнесла Шарлотта, словно пытаясь успокоить норовистого жеребца, – Габриэль, расскажи нам, пожалуйста, что случилось.

Габриэль был высок и строен. Его каштановые волосы слиплись от крови, глаза сверкали. Он провел руками по лицу. Пальцы тоже были в крови.

– Где мой брат? Мне нужно поговорить с братом.

– Он сейчас придет. Я послала за ним Генри. А Сирил уже готовит институтский экипаж. Габриэль, ты не ранен? Может, применить руну *ираци*?

В голосе Шарлотты слышалась материнская забота, словно этот юноша никогда не смотрел на нее свысока, прячась

за спиной Бенедикта Лайтвуда, словно они с отцом никогда не плели интриги, чтобы отобрать у нее Институт.

– Как много крови! – воскликнула Тесс, подходя ближе. – Габриэль, она ведь не твоя?

Габриэль посмотрел на нее. Тесс впервые не заметила в его поведении ни тени позерства. В его глазах был только страх, страх и смятение.

– Нет... Это их кровь...

– Их? О ком ты говоришь?

Вопрос задал Гидеон, который уже спускался по ступенькам со второго этажа, держа в правой руке меч. Рядом с ним шли Генри и Джем, а чуть позади – Уилл и Сесили. Джем в ужасе замер посреди лестницы, и Тесс поняла, что он увидел ее в свадебном платье. Глаза юноши вспыхнули, но он не успел ничего сказать: все спешили вниз, и его вынесло к подножию лестницы, как листок в бурном потоке.

– Отец пострадал? – спросил Гидеон, остановившись возле брата. – А ты?

Он дотронулся до подбородка Габриэля и повернул лицо брата к себе. Габриэль был выше Гидеона, но признавал его старшинство и теперь радовался, что брат рядом, и вместе с тем огорчался, что он говорит так резко.

– Отец... – начал Габриэль. – Наш отец – червь.

Уилл усмехнулся. Он прибежал прямо с тренировки и не успел переодеться. Влажные от пота волосы завивались у его висков. Уилл даже не взглянул на Тесс, но она к этому уже

привыкла: в последнее время юноша смотрел на нее только в случае крайней необходимости.

– Приятно слышать, что ты пересмотрел свое мировоззрение, Габриэль, но ты выбрал весьма странный способ объявить об этом.

Гидеон бросил укоризненный взгляд на Уилла, а затем снова повернулся к брату.

– Что ты имеешь в виду, Габриэль? Что натворил отец?

Габриэль покачал головой и бесцветно повторил:

– Он – червь.

– Я знаю. Он бросил тень на доброе имя Лайтвудов и лгал нам обоим. Он опозорил маму и уничтожил ее. Но нам не нужно быть такими, как он.

Габриэль отпрянул от брата, неожиданно сверкнув зубами, обнажившимися в свирепом оскале.

– Ты не слушаешь меня, – прошипел он. – Он червь. Червь. Такое длинное чудище, похожее на змею. С тех пор как Мортмейн прекратил присылать лекарство, ему становилось все хуже. Он менялся. Язвы сначала появились у него на руках, а затем стали покрывать все тело: руки, шею, лицо... – Зеленые глаза Габриэля обратились к Уиллу. – Это сифилис, так ведь? Ты ведь все о нем знаешь! Разве ты не эксперт?

– Ну, не то чтобы я его изобрел, – начал Уилл. – Просто я уверен, что демонический сифилис существует. Есть свидетельства... В библиотеке можно найти упоминания...

– Демонический сифилис? – в замешательстве переспросила Сесили. – Уилл, о чем он говорит?

Уилл открыл рот и слегка покраснел. Тесс украдкой улыбнулась. Сесили прибыла в Институт несколько недель назад, но Уилл до сих пор не привык к ее присутствию и расстраивался каждый раз, когда она напоминала о себе. Похоже, он не понимал, как вести себя с младшей сестрой, которую помнил совсем ребенком, и твердил, что не рад ей. И все же Тесс замечала, что он не спускает с Сесили глаз и смотрит на нее с такой же заботой, как временами на Джема. Само собой, меньше всего на свете ему хотелось объяснять Сесили, что такое демонический сифилис и каким путем он передается.

– Тебе об этом знать не обязательно, – буркнул он.

Габриэль перевел взгляд на Сесили, и рот его от удивления приоткрылся. Тесс заметила, что юноша изучает ее. Должно быть, родители Уилла были очень хороши собой: ведь и Сесили, и Уилл отличались удивительной красотой – их черные, как смоль, волосы блестели, а глаза отливали небесной синевой. Сесилия смело встретила взгляд Габриэля, гадая про себя, кто этот юноша и почему он не любит ее брата.

– Отец мертв? – не унимался Гидеон. – Этот демонический сифилис его убил?

– Не убил, – покачал головой Габриэль, – а изменил. Он его изменил. Несколько недель назад переехали в Чизвик

– отец так пожелал, хотя и не объяснил нам причины. А несколько дней назад он заперся в кабинете и не выходил даже на обед. Сегодня утром я поднялся в кабинет, чтобы попытаться встряхнуть его, но дверь была сорвана с петель. По коридору тянулся... какой-то склизкий след. Я пошел по нему, спустился вниз и вышел в сад. – Он оглядел собравшихся, ни один из которых не проронил ни звука. – Наш отец превратился в червя. Вот что я пытаюсь сказать.

– Но не случится ли так, – проговорил Генри, – что кто-то... э-э... наступит на него?

Габриэль с отвращением взглянул на него.

– Я обыскал весь сад и нашел несколько слуг. Вернее, то, что от них осталось. Они все были разорваны на... на кусочки. – Сглотнув, он посмотрел на свою окровавленную одежду. – Потом я услышал какой-то высокий вой, повернулся и увидел, что ко мне приближается нечто – огромный слепой червь, похожий на дракона из легенд. Он широко раскрыл пасть, внутри блестели острые зубы. Я побежал к конюшням. Он полз за мной, но я вскочил на козлы и направил экипаж в ворота. Эта тварь не стала меня преследовать. Видимо, боится предстать перед взором общественности.

– Ага, – с удовлетворением кивнул Генри. – Значит, размеры не позволят на него наступить.

– Не стоило мне убегать, – пробормотал Габриэль, смотря на брата. – Нужно было остаться и сразиться с ним. Или, может, с ним можно договориться. Может, еще не поздно

достучаться до отца.

– А может, он разорвал бы тебя, не моргнув глазом, – заметил Уилл. – То, что ты описываешь, – это превращение в демона, последняя стадия сифилиса.

– Уилл! – всплеснула руками Шарлотта. – Почему ты об этом не рассказывал?

– Знаете, в библиотеке полно книг о демоническом сифилисе, – оскорбленно буркнул Уилл. – Я никому не запрещал их читать.

– Да, но раз уж ты знал, что Бенедикт превратится в гигантскую змею, мог бы хотя бы упомянуть об этом, – укоризненно произнесла Шарлотта. – Мог бы по меньшей мере просветить нас.

– Во-первых, – возразил Уилл, – я понятия не имел, что он превратится именно в червя. Последняя стадия демонического сифилиса предполагает превращение в демона, но демон может выглядеть как угодно. Во-вторых, процесс преобразования занимает несколько недель. Я полагал, что даже такой конченный идиот, как Габриэль, заметит это и сообщит кому-нибудь.

– Кому сообщит? – веско спросил Джем.

Во время разговора он подошел ближе к Тесс. Теперь они стояли бок о бок, слегка касаясь друг друга руками.

– Конклаву. Почтальону. Нам. Кому угодно, – ответил Уилл, раздраженно взглянув на Габриэля, который понемногу приходил в себя и теперь был вне себя от ярости.

– Я не конченный идиот!..

– Вряд ли протесты помогут тебе доказать наличие ума, – пробормотал Уилл.

– Я же сказал, отец закрылся в кабинете и неделю не выходил...

– И ты даже не подумал обратить на это внимание? – поинтересовался Уилл.

– Ты не знаешь нашего отца, – произнес Гидеон тем ровным тоном, на который переходил всякий раз, когда не мог уклониться от разговора о своей семье.

Он повернулся к брату и, положив руки на плечи Габриэля, что-то тихо сказал ему – так что больше никто из собравшихся не расслышал его слов.

Джем коснулся мизинцем пальцев Тесс. Это выражение привязанности было так хорошо знакомо девушке, что в последние месяцы она неосознанно протягивала руку Джему всякий раз, когда он оказывался рядом.

– Это твоё свадебное платье? – едва слышно спросил он.

Тесс не пришлось отвечать, потому что в это мгновение в прихожую вошла Бриджет со стопкой одежды в руках – боевым облачением Охотников. Повернувшись ко всем остальным, Гидеон сказал:

– Чизвик. Нужно спешить. Мы пойдем вдвоем с Габриэлем, если никто больше не вызовется.

– Только вы? – произнесла Тесс, не сдержав удивления. – Но почему? Не лучше ли взять с собой кого-то еще?

– Конклав, – лаконично ответил Уилл, в синих глазах которого плясало пламя. – Он не хочет, чтобы Конклав узнал о его отце.

– А ты бы хотел? – запальчиво спросил Габриэль. – Если бы это была твоя семья? – Губы его изогнулись в усмешке. – А, забудь. Откуда тебе знать, что такое верность...

– Габриэль, – укоризненно произнес Гидеон, – не говори так с Уиллом.

Габриэль, казалось, удивился, и Тесс не могла его винить. Гидеон, как и все в Институте, слышал о проклятии Уилла и полагал, что именно этим объяснялись враждебность и резкость юноши, но никто из посторонних не был посвящен в эту тайну.

– Мы пойдем с вами. Само собой, пойдем, – сказал Джем, отпуская руку Тесс и делая шаг вперед. – Гидеон оказал нам услугу. Мы этого не забыли, правда, Шарлотта?

– Конечно, нет, – ответила Шарлотта и повернулась к служанке. – Бриджет, доспехи...

– Какая удача, что я уже в доспехах, – заметил Уилл.

Генри тем временем снял жилет и обменял его на защитный камзол и португую, Джем последовал его примеру – и внезапно всё вокруг пришло в движение. Шарлотта что-то тихо сказала Генри, прикрывая живот рукой. Тесс отвернулась, чтобы не смущать их, и заметила, как Джем, склонившись к Уиллу, наносит рану на шею друга. Сесили взглянула на брата и нахмурилась.

– Я тоже в доспехах, – заявила она.

Уилл дернул головой, из-за чего Джем негодуяще вскрикнул.

– Ни в коем случае, Сесили.

– Ты не имеешь права мне запрещать. – Глаза девушки вспыхнули. – Я иду с вами.

Уилл посмотрел на Генри, но тот лишь виновато пожал плечами.

– Она имеет право. Она тренируется почти два месяца...

– Она же совсем дитя!

– Но ведь ты в пятнадцать делал то же самое, – тихо заметил Джем, и Уилл снова повернулся к нему.

Казалось, все – даже Габриэль – на миг задержали дыхание. Джем выдержал взгляд Уилла, и не в первый раз Тесс почувствовала, что они безмолвно разговаривают друг с другом.

Наконец Уилл вздохнул и полуприкрыл глаза.

– Теперь и Тесс захочет пойти.

– Само собой, я иду с вами! – воскликнула Тесс. – Может, я и не Сумеречный охотник, но я тоже тренировалась. Джем не пойдет без меня.

– Ты же в *свадебном платье*, – возразил Уилл.

– Раз уж все его увидели, теперь я не могу выйти в нем замуж, – парировала Тесс. – Плохая примета, знаете ли.

Уилл прорычал что-то по-валлийски – слов невозможно было разобрать, но тон не оставлял сомнений, что юноша

негодует. Джем тревожно улыбнулся Тесс. Внезапно дверь Института распахнулась, и прихожая озарилась лучами осеннего солнца. На пороге стоял запыхавшийся Сирил.

– Второй экипаж готов, – сказал он. – Кто едет?

Кому: Консулу Джошуа Вейланду

От: Совета

Многоуважаемый господин консул!

Вам, без сомнения, известно, что срок Вашего пребывания на посту консула подходит к концу. Прошло десять лет, и настало время назначить преемника.

С нашей точки зрения, стоит рассмотреть возможность назначения на эту должность Шарлотты Бранвелл, урожденной Фэйрчайлд. Она прекрасно справляется с обязанностями руководителя лондонского Института, и мы не сомневаемся, что Вы одобрите ее кандидатуру, учитывая, что именно Вы поставили ее на этот пост после смерти ее отца.

Ваше мнение очень важно для нас, поэтому мы с радостью ознакомимся с любыми Вашими соображениями по этому поводу.

С преемственным уважением,

Виктор Уайтлоу, инквизитор, от имени Совета

2

Червь-победитель

*В нем ужас царствует, в нем властны
Безумие и Грех.*

– Эдгар Аллан По, «Червь-победитель»¹

Когда институтский экипаж въехал в ворота дома Лайтвудов в Чизвике, Тесс смогла осмотреться по сторонам, что не получилось у нее при первом визите в особняк, – в тот раз было слишком темно. Длинная гравийная дорожка, обсаженная по бокам деревьями, вела к огромному белому дому и круговому разъезду возле главной лестницы. Прямые, симметричные контуры здания и колонны наводили на ассоциации с греческими и римскими храмами, которые Тесс доводилось видеть на гравюрах. Возле ступеней стоял экипаж. По саду разбегались дорожки, усыпанные гравием.

Сад был прекрасен. Даже в октябре он стоял в цвету: благоухали красные розы, вдоль тропинок, петлявших среди деревьев, росли оранжевые, желтые и темно-золотые хризантемы. Генри остановил экипаж. Тесс вышла, приняв руку Джема, и услышала журчание воды – видимо, русло ручья повернули таким образом, чтобы он проходил через сад. С трудом

¹ Перевод В. Брюсова. – Здесь и далее примечания переводчика.

верилось, что именно в этом прекрасном месте Бенедикт когда-то устроил свой дьявольский карнавал, хотя Тесс и узнала бегущую вдоль дома дорожку, по которой той ночью прошла от кареты в дом. Крыло здания, в которое вела дорожка, судя по всему, было пристроено недавно.

Экипаж Лайтвудов с Гидеоном на козлах остановился позади институтского, и из него вышли Габриэль, Уилл и Сесили. Эрндейлы до сих пор спорили друг с другом, и Уилл подкреплял свои аргументы отчаянной жестикуляцией. Сесили хмурилась. Когда на лице ее отражался гнев, она делалась так похожа на брата, что при других обстоятельствах это было бы даже забавно.

Бледный, как мел, Гидеон развернулся на каблуках. Меч сверкнул у него в руке.

– Это экипаж Татьяны, – коротко бросил он, когда Джем и Тесс подошли ближе, и указал на стоящую возле лестницы карету, обе дверцы которой были распахнуты. – Видимо, она решила навестить нас.

– Не нашла времени лучше... – буркнул Габриэль, хотя глаза его были полны страха.

Их сестра Татьяна недавно вышла замуж. Герб на боку экипажа – терновый венец, – должно быть, принадлежал семье ее мужа. Не двигаясь, все наблюдали за тем, как Габриэль приближается к экипажу, вынув из ножен длинную саблю. Заглянув внутрь, он громко выругался и, отшатнувшись, встретился взглядом с Гидеоном.

– На сиденьях кровь, – сообщил он. – И эта гадость...

Он дотронулся кончиком сабли до колеса, и клинок погружился в липкую слизь.

Уилл вынул из ножен клинок серафимов и воскликнул:

– *Эремизель!*

На острие клинка вспыхнула белая звезда, и Уилл указал клинком сначала на север, а затем на юг.

– Сады окружают дом со всех сторон и спускаются к реке, – сказал он. – Я знаю наверняка, ведь однажды я преследовал здесь демона Марбаса. Сомневаюсь, что Бенедикт решится покинуть имение. За оградой его легко могут увидеть.

– Мы проверим западное крыло. Вы берите на себя восточное, – предложил Габриэль. – Если заметите что-нибудь, кричите, и мы придем.

Он очистил клинок, проведя им по траве, и пошел за братом вдоль дома. Уилл направился в противоположную сторону, ведя за собой Джема, Сесилию и Тесс. Остановившись на углу, Уилл внимательно осмотрел сад, но не заметил ничего необычного. Спустя мгновение он дал остальным знак следовать за ним.

Они сделали еще несколько шагов, и тут Тесс наступила на острый камень, попавший ей под каблук. Пошатнувшись, она сразу выпрямилась, но Уилл все равно обернулся и нахмурился.

– Тебе не стоило ехать с нами, Тереза. – Те времена, когда он называл ее Тесс, остались в прошлом. – Ты не готова.

Хотя бы останься в экипаже.

– Нет! – возмутилась Тесс.

Уилл взглянул на Джема, который тщетно пытался скрыть улыбку.

– Тереза – *твоя* невеста. Образумь ее сам.

Держа в одной руке меч-трость, Джем подошел к девушке.

– Тесс, ради меня, пожалуйста...

– Вы считаете, что я не умею драться, – сказала Тесс, отступая на шаг и глядя прямо в серебристые глаза Джема, – потому что я девчонка.

– Я считаю, что ты не можешь драться, потому что ты в свадебном платье, – объяснил Джем. – Если уж на то пошло, я считаю, что и Уилл не смог бы драться в этом платье.

– Может, и нет, – ухмыльнулся Уилл, – но невеста из меня получилась бы превосходная.

– Что это? – вдруг спросила Сесили, указывая куда-то вдаль.

Все четверо повернулись и заметили человека, бегущего прямо к ним. Солнце слепило глаза, и Тесс не сразу удалось понять, что это девушка. Шляпы на ней не было, светло-каштановые волосы развевались на ветру. Высокая и худенькая, она была в ярко-малиновом платье, заляпанном кровью и изодранном в клочья. Подбежав к ним, она с визгом упала в объятия Уилла.

Тот отшатнулся, едва не уронив клинок.

– Татьяна...

Тесс не поняла, то ли девушка сама отпрянула от Уилла, то ли он оттолкнул ее. Татьяна оказалась угловатой и неловкой, с песочными, как у Гидеона, волосами и зелеными, как у Габриэля, глазами. Наверное, она была хорошенькой, но сейчас лицо ее искажала гримаса отвращения. Хотя она заливалась слезами и прерывисто дышала, был во всем этом какой-то налет театральности, словно Татьяна чувствовала, что все взгляды обращены на нее – и особенно взгляд Уилла.

– Огромное чудовище, – всхлипнула она. – Настоящая тварь! Она вытащила из экипажа бедняжку Руперта и расправилась с ним!

Уилл сделал еще шаг назад.

– Что значит расправилась?

– Т-там, – пробормотала она, показав в сторону. – Она утащила его в итальянский сад. Сначала ему удалось вырваться, но тварь не отставала. Я кричала изо всех сил, но это не остановило ее!

Татьяна разразилась очередным потоком слез.

– Кричала? – переспросил Уилл. – И больше ничего?

– Я громко кричала! – уязвленно сказала Татьяна и отошла от Уилла, пронзив его взглядом зеленых глаз. – Вижу, ты ничуть не изменился – все так же придираешься по пустякам.

Она посмотрела на Тесс, Сесили и Джема.

– Мистер Карстерс, – чопорно произнесла она, словно встретив знакомого на приеме, а потом прищурилась, встре-

тившись взглядом с Сесили. – А вы...

– О, ради всего святого! – воскликнул Уилл и направился дальше.

Джем последовал за ним, улыбнувшись Тесс.

– Могу поспорить, вы сестра Уилла, – сказала Татьяна Сесили, когда юноши исчезли в отдалении.

Тесс она, казалось, не замечала.

Сесили скептически посмотрела на Татьяну и ответила:

– Так и есть, хотя я ума не приложу, какое это сейчас имеет значение. Тесс, ты идешь?

– Да, – кивнула Тесс и двинулась следом.

Как бы Уилл с Джемом ни относились к тому, что она поехала с ними, она не могла просто смотреть издали, как они рискуют собой. Вскоре позади раздалась неуверенные шаги Татьяны.

Они уходили все дальше от особняка, углубляясь в английский сад, скрытый за высокой живой изгородью. В отдалении солнце поблескивало на стеклах оранжереи с башенкой на крыше. Был прекрасный осенний день: дул свежий ветер, пахло опавшими листьями. Услышав шорох, Тесс оглянулась и посмотрела на особняк. Гладкий белый фасад с несколькими балконами словно парил над садом.

– Уилл, – прошептала она, а он отнял ее руки от своей шеи и снял с нее перчатки, которые тут же присоединились к валявшимся на полу шпилькам и маске. Свою маску он отложил в сторону, отбросив волосы с лица. На щеках у него

остались красные отметины, похожие на шрамы, но когда Тесс потянулась к ним, он мягко остановил ее.

– Нет. Позволь мне быть первым. Я всегда хотел...

Тесс вспыхнула и отвела взгляд от особняка, с которым было связано столько воспоминаний. Тем временем они достигли просвета в живой изгороди по правую руку от них. Сквозь листву виднелся итальянский сад: вдоль дорожек стояли статуи античных богов и героев. В центральном фонтане Венера лила воду из вазы, а расставленные по сторонам аллей бюсты великих историков и государственных деятелей – Цезаря, Геродота, Фукидида – взирали друг на друга пустыми глазами. Поэты и драматурги тоже имелись: Тесс миновала Аристотеля, Овидия и Гомера (глаза которого были покрыты каменной повязкой, чтобы обозначить слепоту), прошагала мимо Вергилия и Софокла... и вдруг тишину пронзил оглушительный вопль.

Тесс развернулась. Шедшая позади нее Татьяна замерла на месте как вкопанная, округлив глаза. Все бросились к ней, но Тесс успела подбежать первой. – Руперт! – простонала Татьяна, не спуская глаз с какого-то предмета, и, проследив за ее взглядом, Тесс заметила мужской ботинок, торчащий из-под живой изгороди.

Сначала она подумала, что Руперт лежит на земле и тело его скрывает листва, но, подавшись вперед, поняла, что, кроме ботинка – и застрявшего в нем огрызка растерзанной, окровавленной плоти, – там ничего не было.

– Сорокафутовый червь? – шепнул Уилл Джему, пока они бесшумно – благодаря рунам беззвучия – шли по итальянскому саду. – Только представь, какую рыбу на него можно поймать!

Губы Джема дернулись.

– Это, знаешь ли, не смешно.

– Немного все-таки смешно.

– Нельзя свести эту ситуацию к шуткам о червях, Уилл. Вообще-то мы говорим об отце Габриэля и Гидеона.

– Мы о нем не говорим – мы отслеживаем его в прекрасном саду, потому что он превратился в червя.

– В демонического червя, – поправил друга Джем и помедлил, чтобы оглядеться. – В гигантскую змею. Может, хоть эта мысль избавит тебя от неуместного желания острить?

– Когда-то мои неуместные остроты тебе нравились, – вздохнул Уилл. – Как все изменилось!

– Уилл...

Его прервал оглушительный вопль. Юноши развернулись, и у них на глазах Татьяна Блэкторн покачнулась, но Тесс успела подхватить ее. Сесили тем временем подбежала к просвету в живой изгороди и с ловкостью опытного Сумеречного охотника выхватила из ножен клинок серафимов. Уилл не расслышал, что она сказала, но клинок вспыхнул и озарил пламенем ее лицо.

Содрогнувшись от ужаса, он ринулся туда, где стояли де-

вушки. Джем не отставал. Побледневшая Татьяна обмякла на руках у Тесс.

– Руперт! Руперт!

Тесс уже с трудом удерживала девушку, и Уилл хотел помочь ей, но Джем подбежал первым и подхватил Татьяну. Что ж, так оно и должно быть: ведь именно Джем, а не Уилл, был женихом Тесс.

Уилл быстро отвел глаза и повернулся к сестре, которая продиралась сквозь живую изгородь к окровавленным останкам Руперта Блэкторна, держа клинок высоко над головой.

– Сесили! – раздраженно крикнул Уилл.

Не успела девушка обернуться, как мир взорвался фонтаном грязи. Комья земли полетели во все стороны. В центре земляного гейзера, взметнувшегося высоко в небо, показалась гигантская слепая змея грязно-белого цвета – цвета мертвой плоти, как подумалось Уиллу. От нее исходил трупный смрад. Татьяна ахнула и потеряла сознание, повалив за собой и Тесс.

Червь извивался, пытаясь выбраться из-под земли. Пасть его открылась, как будто надвое разрезав голову твари. Внутри сверкнули острые, как у акулы, зубы, а из глотки вырвалось жуткое шипение.

– Стоять! – воскликнула Сесили и бесстрашно выставила вперед сияющий клинок серафимов. – Назад, проклятая тварь!

Червь пополз к ней. Она не сдвинулась с места, сжимая

в руке клинок. Пасть червя была уже совсем близко, когда Уилл наконец подскочил к сестре и оттолкнул ее в сторону. Они вместе повалились в заросли, а мгновение спустя червь обрушился на землю в том месте, где только что стояла девушка, и вырвал зубами огромный ком дерна.

– Уилл! – Сесили неудачно дернулась, и клинок серафимов полоснул по руке Уилла, оставив красную царапину. Глаза девушки горели огнем. – И зачем ты это сделал?

– Ты не готова! – выкрикнул Уилл, вне себя от гнева и страха. – Ты можешь погибнуть! Не вмешивайся!

Он потянулся, чтобы отнять у нее клинок, но Сесили отшатнулась и вскочила на ноги. Червь между тем приготовился к очередному броску. Пытаясь отнять клинок у сестры, Уилл уронил собственный, и теперь тот лежал поодаль. Нефилим метнулся в сторону, и челюсти чудовища щелкнули всего в паре дюймов от него руки. Только теперь Джем подоспел на помощь парабатаю и вонзил и вонзил свой меч-трость в тело червя. Тот душераздирающе взвыл, попятился, разбрызгивая черную кровь, и с шипением скрылся за живой изгородью.

Уилл осмотрелся. Лица Сесили он не видел: Джем встал между нею и Бенедиктом и теперь весь был в грязи и черной крови. Чуть поодаль Тесс положила голову Татьяны себе на колени. Юбки девушек перепутались в один комок: ярко-малиновый наряд Татьяны сливался с испорченным золотистым свадебным платьем Тесс. Словно желая защитить

Татьяну от вида изменившегося отца, Тесс склонилась над ней. Лицо ее было бледно, кровь демона покрывала волосы и одежду. Тесс подняла глаза и встретила взглядом с Уиллом.

На мгновение и сад, и шум, и запах крови, и смрад, исходивший от демона, – все пропало, и Уилл с Тесс словно перенеслись куда-то далеко, где ничто не нарушало тишины. Уиллу захотелось подбежать к девушке, обнять ее. Защитить ее.

Но это было привилегией Джема, а не его. Не его.

На мгновение он прикрыл глаза, а когда снова открыл, Тесс уже поднялась на ноги и помогала подняться Татьяне, закинув ее руку себе на плечи. Татьяна все еще с трудом могла стоять без опоры.

– Нужно увести ее отсюда. Ее убьют, – сказал Уилл, осматривая сад. – У нее никакой подготовки.

Губы Тесс упрямо сжались.

– Я не хочу вас оставлять.

Сесили, казалось, была не на шутку испугана.

– А вы не думаете... Разве этот монстр не остановится? Она ведь его дочь. Если... если у него остались хоть какие-то чувства...

– Он только что сожрал своего зятя, Сеси, – отрезал Уилл. – Тесс, уведи Татьяну, если хочешь спасти ей жизнь. Держитесь возле дома. Ни в коем случае не позволяй ей вернуться, иначе все может закончиться катастрофой.

– Спасибо тебе, Уилл, – шепнул Джем, когда Тесс повела прочь спотыкающуюся девушку, и слова эти тремя кинжалами пронзили Уиллу сердце.

Всякий раз, когда Уилл пытался защитить Тесс, Джем решил, что он делает это ради него, а не ради самого себя. И всякий раз Уилл мечтал, чтобы Джем оказался прав. У каждого кинжала было собственное имя. Вина. Стыд. Любовь.

Сесилия неожиданно вскрикнула. Громадная тень заслонила собой солнце, живая изгородь не выдержала натиска, и над Уиллом нависла огромная красная пасть гигантского червя. С острых зубов капала тягучая слюна. Уилл потянулся за мечом, но червь уже приготовился к атаке. Из шеи монстра по-прежнему торчал клинок Джема, который Уилл узнал без промедления.

– Берегись! – крикнул Джем.

В следующую секунду червь снова обрушился на Уилла, но тот успел выставить перед собой меч, вошедший в нижнюю челюсть монстра. Червь снова зашипел и принялся плевать кровью. Неожиданно что-то толкнуло Уилла под колени, и он тяжело упал, ударившись спиной о землю.

В легких не осталось воздуха. Юноша шумно вдохнул. Тонкий хвост червя обвился вокруг его ног. Уилл пытался отбиться. Перед глазами все плясало: испуганное лицо Джема, голубое небо...

Хлоп! Стрела вошла в хвост червя пониже колена Уилла. Хватка Бенедикта ослабела, Уилл откатился в сторону, встал

на колени и заметил Гидеона и Габриэля Лайтвудов, которые уже спешили к месту сражения. В руках у Габриэля был лук. На бегу он снова натянул тетиву, и Уилл внезапно осознал, что Габриэль Лайтвуд только что выстрелил в собственного отца, чтобы спасти Уиллу жизнь.

Червь отпрянул. Джем тотчас подхватил парабата и поставил на ноги, а затем поспешно огляделся по сторонам. Боевая трость снова была у него в руке. Демонический червь извивался в агонии, раскачивая огромной слепой головой. Во все стороны летели листья и ветки. В воздух поднялась пыль, и Сумеречные охотники закашлялись. Уилл расслышал кашель Сесили и мысленно вздохнул: надо было все-таки отправить ее обратно к дому, но она ни за что не согласится.

Щелкая челюстями, червь каким-то образом смог освободиться от меча, и тот упал между розовыми кустами, весь покрытый черной кровью. Червь пополз назад, оставляя за собой склизкий след. Гидеон был в перчатках, но все равно поморщился, поднимая меч.

Внезапно Бенедикт свернулся и, распахнув жуткую пасть, приготовился к прыжку, как кобра. Гидеон выставил меч перед собой. В сравнении с громадным чудовищем он казался просто букашкой.

– Гидеон! – крикнул Габриэль, мгновенно побледнев, и вскинул лук.

Уилл отскочил с дороги. Стрела пролетела совсем рядом

с ним и вошла в тело червя. Тот взвыл, развернулся и удивительно быстро пополз прочь. Кончиком хвоста он зацепился за статую и сжал ее. Скульптура рассыпалась на множество осколков, и те дождем полетели в бассейн.

– Вот дела! Не повезло Софоклу, – заметил Уилл, когда червь исчез за беседкой в форме древнегреческого храма. – Никакого уважения к классикам!

Тяжело дыша, Габриэль опустил лук.

– С ума сошел? – с вызовом спросил он брата. – О чем ты думал? Зачем пошел на него?

Гидеон развернулся, и кончик окровавленного меча указал на Габриэля.

– Это уже не он. Габриэль, это больше не наш отец. Нельзя это отрицать...

– Я выстрелил в него! – воскликнул Габриэль. – Чего еще ты от меня хочешь, Гидеон?

Гидеон покачал головой, словно был недоволен братом. Даже недолюбливавший Габриэля Уилл проникся к нему сочувствием. Он ведь и правда подстрелил монстра.

– Нужно догнать его, – сказал Гидеон. – Он уполз за фолли...

– Куда-куда? – переспросил Уилл.

– За фолли, Уилл, – повторил Джем. – Это декоративная беседка. Внутри там, должно быть, пусто.

Гидеон покачал головой.

– Беседка гипсовая... Если мы обойдем ее с одной сторо-

ны, а вы с Джеймсом – с другой...

– Сесили, что ты делаешь? – перебил Гидеона Уилл.

Он понимал, что ведет себя, как рассерженный отец, но не мог с собой совладать. Сесили сунула клинок за пояс и теперь пыталась залезть на небольшое тисовое дерево в первом ряду изгороди.

– Зачем ты лезешь на дерево?

Сесилия сердито глянула на него сквозь пряди черных волос, растрепавшихся и падавших на лицо. Не успела она ответить, как раздался грохот, словно надвигалось землетрясение. Беседка взорвалась осколками гипса. Червь полз прямо на них с устрашающей скоростью поезда, мчащегося под откос.

Когда девушки добрались до лужайки перед особняком Лайтвудов, шея и плечи Тесс уже ныли от боли. Дышать было нелегко: Татьяна опиралась на нее всем весом, а под тяжелым свадебным платьем скрывался тугой корсет.

Но вот показались экипажи, и Тесс вздохнула с облегчением. На лужайке было так спокойно: экипажи стояли там, где их оставили, лошади жевали травку, громада особняка высилась над садами. Дотащив Татьяну до ближайшей кареты, Тесс открыла дверцу и помогла своей спутнице подняться внутрь. Каждая ступенька давалась той с огромным трудом, и Тесс поморщилась, когда девушка вцепилась в нее острыми ногтями.

– О боже, – простонала Татьяна, наконец рухнув на сиденье. – Какой позор, какой ужасный позор! Конклав может узнать, что случилось с отцом. Неужели он совсем обо мне не подумал?

Тесс удивленно моргнула.

– Это болезнь, – сказала она. – Не думаю, что он был в состоянии подумать хоть о ком-нибудь, миссис Блэкторн.

Татьяна рассеянно посмотрела на нее, и на мгновение Тесс стало стыдно за ту неприязнь, которую она чувствовала к этой девушке. Хотя ей и не нравилось, что ее отослали прочь из сада, где она могла помочь друзьям, отец Татьяны только что у нее на глазах растерзал ее же мужа. Она заслуживала сочувствия.

– Я понимаю, вы перенесли огромное потрясение, – более мягко сказала Тесс. – Если вы ляжете...

– Вы очень высокая, – произнесла Татьяна. – Неужели джентльмены не сетуют на это?

Тесс округлила глаза.

– И вы в свадебном платье, – продолжала Татьяна. – Разве это не странно? Разве боевое облачение не было бы более уместно? Я понимаю, это не так красиво, да и все средства хороши, но...

Вдруг раздался грохот. Тесс отвернулась от экипажа и осмотрелась по сторонам. Звук донесся из дома. «Генри», – подумала Тесс. Генри в одиночку зашел в особняк. Пусть монстр и ползал в саду, дом все же принадлежал Бенедикту.

Тесс вспомнила бальный зал, который при прошлом ее визите был полон демонов, и быстро приподняла юбки, приготовившись бежать на выручку.

– Никуда не уходите, миссис Блэкторн, – сказала она. – Нужно выяснить, что за шум.

– Нет! – воскликнула Татьяна, подавшись вперед. – Не оставляйте меня!

– Простите. – Тесс покачала головой и попятилась. – Я должна проверить, что там. Не выходите, пожалуйста, из экипажа.

Татьяна что-то прокричала ей вслед, но Тесс уже поднималась по ступенькам. Распахнув парадную дверь, она оказалась в огромном холле, пол которого был выложен черными и белыми мраморными плитками на манер шахматной доски. Под потолком висела массивная люстра, но ни одна из свечей не горела – единственным источником света оставались высокие окна. Наверх вела роскошно украшенная лестница.

– Генри! – крикнула Тесс. – Генри, где вы?

В ответ ей раздался вскрик. На втором этаже что-то громынуло. Тесс бросилась вверх по лестнице и споткнулась, запутавшись в подоле платья. Быстро приподняв юбки, она побежала дальше, по коридору с бледно-голубыми стенами, на которых висели десятки гравюр в золотых рамках.

Комната в конце коридора наверняка принадлежала кому-то из мужчин – библиотека или кабинет. На окнах висе-

ли тяжелые темные шторы, на стенах – картины с военными кораблями. Зеленые обои были перепачканы чем-то темным. В комнате странно пахло – так пахнет на берегах Темзы, где гниет под солнцем всякий мусор. Тесс ощутила на языке медный привкус крови. Книжный шкаф был перевернут, повсюду валялись осколки стекла и обломки дерева, а на персидском ковре в центре комнаты Генри боролся с каким-то серым многоруким существом. Генри кричал и пинал существо своими длинными ногами, а эта тварь – без сомнения, демон – пыталась разорвать когтями его доспехи и клала зубами прямо у него перед носом.

Тесс огляделась по сторонам, схватила из холодного камина кочергу и занесла ее над головой. Она попыталась припомнить все то, чему ее учили, – все долгие лекции Гидеона о настройке, о скорости и о силе захвата, – но в итоге, похоже, просто отдалась на волю инстинкта и обрушила кочергу на торс существа, туда, где у нормального земного создания должна была находиться грудная клетка.

Что-то хрустнуло. Демон взвыл, как побитая собака, и откатился от Генри. Кочерга упала на пол. Брызнула темная жидкость, в комнате завоняло дымом и гнилью. Тесс попятилась, наступила каблуком на разорванный подол и упала как раз в тот момент, когда Генри развернулся и, выругавшись, полоснул демону по горлу клинком, на котором сияли руны. Демон захрипел и сложился пополам.

Генри вскочил на ноги. Его рыжие волосы были забрыз-

ганы кровью и слизью. На плече в доспехах зияла дыра, из раны сочилась алая кровь.

– Тесс! – воскликнул он и тотчас подскочил к девушке, чтобы помочь ей подняться на ноги. – Клянусь Ангелом, мы прекрасная команда! – Он тревожно взглянул на Тесс. – Ты не ранена?

Она взглянула на себя и поняла, почему он спрашивает: платье было покрыто слизью, на руке кровоточил порез – она упала на осколки. Боли еще не было, но крови вытекло достаточно.

– Я в порядке, – сказала Тесс. – Но что произошло? Что это было за существо? Что оно здесь делало?

– Охранный демон. Я обыскивал стол Бенедикта и, наверное, прикоснулся к чему-то, что разбудило его. Из ящика повалил черный дым, затем он превратился в эту тварь. Она набросилась на меня...

– И ранила, – обеспокоенно произнесла Тесс. – У вас кровь...

– Нет, демон тут ни при чем. Я сам упал на свой же кинжал, – смущенно объяснил Генри, вытаскивая стило. – Не рассказывай Шарлотте.

Тесс с трудом сдержала улыбку. Она подошла к одному из высоких окон и раздвинула шторы. Перед ней оказался парк, но, к сожалению, итальянского сада не было видно – он находился с другой стороны. Всюду простирались аккуратно постриженные живые изгороди и пожелтевшая с приходом

осени трава.

– Мне пора, – сказала Тесс. – Уилл, Джем и Сесили сражаются с монстром. Он убил мужа Татьяны Блэкторн. Она едва не лишилась чувств, поэтому мне пришлось увести ее назад к экипажам.

Последовала пауза. Затем Генри нерешительно начал:

– Тесс...

Повернувшись, девушка заметила, что он наносит на руку руну *ираци*, не отрывая взгляда от противоположной стены – той самой, которая чуть раньше показалась Тесс заляпанной чем-то черным. Теперь девушка разглядела, что на обоях были не просто разводы: они складывались в буквы высотой около полуметра, начертанные чем-то похожим на засохшую черную кровь.

АДСКИЕ МЕХАНИЗМЫ НЕ ЗНАЮТ ЖАЛОСТИ.

АДСКИЕ МЕХАНИЗМЫ НЕ ЗНАЮТ ПРОЩЕНИЯ.

АДСКИМ МЕХАНИЗМАМ НЕТ ЧИСЛА.

АДСКИЕ МЕХАНИЗМЫ НЕ ОСТАНОВИТЬ.

Под этими строками была еще одна, почти неразборчивая. Казалось, руки уже не слушались автора этой надписи, когда он выводил ее. Тесс представила себе запертого в этой комнате Бенедикта, который постепенно сходил с ума в процессе превращения и писал на стене собственной черной кровью.

ДА СПАСЕТ ГОСПОДЬ НАШИ ДУШИ.

Червь снова пошел в атаку. Уилл перекатился вперед, едва

избежав укуса, снова вскочил и побежал к извивающемуся хвосту чудовища. Оглянувшись, он увидел, что демон навис над Габриэлем и Гидеоном, но почему-то застыл на месте и только тихо шипит. Может, он узнал своих детей? Может, в нем шевельнулись какие-то чувства? Понять было невозможно.

Сесили вскарабкалась до середины тисового дерева и остановилась, вцепившись в толстую ветку. Надеясь, что ей хватит ума оставаться в этом положении, сравнительно безопасном, Уилл бросился к Джему и поднял руку, чтобы парабатай увидел его. Они давно применяли жесты, чтобы объясняться в пылу битвы, когда ничего не слышно. Глаза Джема понимающе вспыхнули, и он бросил Уиллу свою трость. Бросок был таким точным, что Уилл с легкостью поймал оружие одной рукой. Он щелкнул рукояткой; блеснула сталь, и в следующее мгновение Уилл обрушил клинок на червя, одним резким ударом пронзив толстую кожу. Червь взвыл и отпрянул, а Уилл снова вскинул клинок и следующим ударом отсек чудовищу хвост. Бенедикт содрогнулся, кровь хлынула фонтаном и с ног до головы забрызгала Уилла. Вскрикнув, нефилим попятился. Демоническая кровь обжигала кожу.

– Уилл!

Джем подскочил к другу. Гидеон и Габриэль наносили удары по голове червя, стараясь завладеть его вниманием. Уилл протер свободной рукой глаза, а когда опустил руку, обнаружил, что Сесили спрыгнула с дерева и приземлилась

прямо на спину монстра.

От ужаса Уилл уронил меч. Такого с ним раньше никогда не случилось – не в его привычках было ронять оружие в ходе битвы, – но сейчас его маленькая сестренка с суровой решимостью лезла по спине гигантского демонического червя, словно крошечная блоха в шерсти собаки.

Сесили выхватила клинок из ножен и яростно вонзила его в плоть демона.

«Что она делает?! Как будто бы таким маленьким кинжалом можно убить эту громадину!»

– Уилл, Уилл, – настойчиво повторял Джем ему в ухо.

Уилл понял, что говорил вслух. Тут голова червя развернулась к Сесили, пасть распахнулась, блеснули зубы...

Сесили отпустила рукоятку кинжала и соскользнула со спины червя. Чудовище щелкнуло челюстями и, промахнувшись на волосок, впилося зубами в собственное тело. Брызнула черная кровь. Червь отдернул голову и испустил отчаянный вопль. На боку у него зияла огромная рана, в зубах застряли частички его же плоти. Габриэль поднял лук и выпустил стрелу.

Стрела глубоко вошла в черный глаз червя. Монстр пошатнулся и поник, ударившись головой о землю. Миг-другой он лежал неподвижно, а затем свернулся и стал на глазах исчезать, точь-в-точь как лишенный жизни демон.

Габриэль бросил лук, и тот упал на землю с едва слышным стуком. Все вокруг пропиталось кровью истерзанного

червя. Сесили медленно поднялась на ноги и поморщилась. Ее правое запястье было изогнуто под причудливым углом.

Уилл даже не заметил, как бросился к ней, но Джем остановил его. Обезумев от страха, Уилл повернулся к другу.

– Моя сестра...

– Твое лицо, – поразительно спокойно ответил Джем. – Ты весь в крови демона, Уильям, и она прожигает тебе кожу. Нужно нанести *ираци*, пока процесс еще можно обратить.

– Пусти! – настаивал Уилл, пытаясь вырваться.

Джем крепко держал его за шею. В следующую секунду Уилл почувствовал прикосновение стило к коже на запястье, и боль, которой он даже не замечал, начала рассеиваться. Джем отпустил его и сам поморщился: кровь демона попала ему на пальцы. Уилл в нерешительности остановился, но Джем жестом позволил ему идти и принялся сам наносить руну себе на руку.

Уилл промедлил всего мгновение, но Габриэль оказался возле Сесили первым. Он взял ее за подбородок, изучая лицо девушки своими зелеными глазами. Сесили удивленно смотрела на него, но подоспевший в эту секунду Уилл уже положил руку сестре на плечо.

– Держись от моей сестры подальше! – рявкнул он, и Габриэль, насупившись, отступил.

Гидеон подошел следом и встал рядом с Сесили. Крепко держа сестру одной рукой, другой Уилл нанес черную руну *ираци* на одну сторону ее шеи и руну *менделин* – на другую.

Сесили смотрела на брата сияющими синими глазами. Ее черные волосы растрепались, и теперь она снова стала похожа на ту озорную девчонку, которую помнил Уилл, – неудержимую и бесстрашную.

– Ты не ранена, *cariad*²? – Полузабытое детское прозвище сестры само сорвалось с губ Уилла.

– *Cariad*? – неверяще переспросила Сесилия. – Я почти не пострадала.

– Да? А это что такое? – укоризненно спросил Уилл, указывая на вывихнутое запястье сестры и ссадины у нее на лице и руках, которые уже начали затягиваться под действием *ираци*. В душе Уилла кипел гнев, поэтому он даже не слышал кашель стоявшего позади Джема, на который обычно реагировал молниеносно. – Сесили, что ты твори...

– Пожалуй, на моей памяти еще ни один Сумеречный охотник не проявлял такой смелости, – перебил его Габриэль.

Он смотрел не на Уилла, а на Сесили, и во взгляде его сквозило удивление – и что-то еще. Волосы Габриэля, как и у всех остальных, были покрыты кровью и грязью, но зеленые глаза юноши сияли очень ярко.

Сесили вспыхнула.

– Я всего лишь...

Она осеклась и с ужасом посмотрела куда-то за спину Уилла. Джем снова кашлянул, и на сей раз его друг это услы-

² Дорогой друг (*валл.*).

шал. Быстро развернувшись, Уилл увидел, как Джем оседает на землю.

3

До последнего вздоха

*Нет, падали оплот, Отчаянье, не дам
Тебе торжествовать, когда терпеть невмочь,
Не возоплю, и гнёт смогу я превозмочь,
И узы жизни сей не разрублю я сам.
– Джерард Мэнли Хопкинс, «Утеха падали»³*

Джем прислонился к институтскому экипажу. Глаза были закрыты, лицо – белое как мел. Уилл стоял рядом, поддерживая друга. Заметив их издалека, Тесс сразу поняла, что это не просто теплое объятие: не подставь Уилл плечо, Джем бы упал.

Тесс и Генри слышали предсмертный вопль червя. Прошло, казалось, всего несколько секунд – и Габриэль уже встретил их на парадной лестнице. С трудом переводя дух, он сообщил о гибели чудовища и объяснил, что случилось с Джемом.

У Тесс перед глазами все поплыло. Она давно не слышала тех слов, которые произносил сейчас Габриэль, но постоянно боялась их и время от времени просыпалась в холодном поту, когда они являлись ей в кошмарах: «Джем», «потерял сознание», «дышит», «кровь», «Уилл», «Уилл с ним»,

³ Перевод Я. Пробштейна.

«Уилл...»

Конечно же, Уилл был рядом.

Остальные суетились вокруг. Татьяна разнообразия ради молчала – или Тесс просто не слышала ее криков. Сесили тоже была недалеко, а Генри неловко переминался с ноги на ногу возле Тесс, как будто бы желая ободрить ее, но не зная, с чего начать.

Приблизившись, Тесс встретила глазами с Уиллом и снова чуть не споткнулась о свое изорванное платье. Они поняли друг друга без слов. Забота о Джеме оставалась связующей нитью между ними – они оба готовы были на все ради своего друга. Тесс заметила, как Уилл сильнее сжал руку Джема.

– Она здесь, – сказал он.

Джем медленно открыл глаза. Тесс постаралась скрыть свой ужас при виде его расширившихся черных зрачков, заключенных в тонкое серебристое кольцо радужки.

– *Ни шоу шан лэ ма, цюинь ай дэ?* – прошептал он.

По просьбе Тесс Джем стал учить ее китайскому, но сейчас из всей фразы она поняла только «цюинь ай дэ» – «моя дорогая, любимая». Тесс взяла Джема за руку и сжала ее.

– Джем...

– Ты ранена, любовь моя? – произнес Уилл.

Голос его не дрогнул, юноша не отвел глаза. Вспыхнув, Тесс посмотрела на свою руку, которой она сжимала ладонь Джема. Его пальцы казались такими бледными, словно были

из фарфора. Как она могла не замечать, что он так болен?

– Спасибо за перевод, Уилл, – сказала Тесс, устремив взгляд на жениха.

И Джем, и Уилл были забрызганы черной кровью, но на подбородке и на шее Джема виднелись и красные капли. Капли его крови.

– Я не ранена, – прошептала Тесс и подумала: «Нет, так не пойдет. Нужно быть сильной ради него». Она выпрямила плечи, не выпуская руки Джема. – Где порошок? – обратилась она к Уиллу. – Он не принял его перед выездом из Института?

– Не говори обо мне так, словно меня здесь нет, – сказал Джем, но в голосе его не было раздражения.

Он повернул голову и чуть слышно шепнул что-то Уиллу. Тот кивнул и отпустил его. Тесс видела, как Уилл напряжен, как готов был в любую секунду снова подхватить друга, но Джем стоял сам.

– Видишь, у меня прибавляется сил, когда Тесс рядом. Я говорил тебе, – мягко произнес Джем, обращаясь к Уиллу.

При этих словах Уилл опустил голову, чтобы спрятать от Тесс свои глаза.

– Я вижу, – сказал он. – Тесс, у нас с собой нет порошка. Видимо, Джем не принял его, когда мы выехали, хотя он этого и не признает. Возьмите экипаж и отправляйтесь обратно в Институт. И не спускай с него глаз.

Джем тяжело вздохнул.

– А остальные...

– Я поведу экипаж. Это несложно, ведь Балий и Ксанф знают дорогу. Генри может править экипажем Лайтвудов.

Уилл действовал быстро и эффективно – и, похоже, не ожидал никакой благодарности за это. Он помог Тесс втащить Джема в экипаж, изо всех сил стараясь при этом не прикоснуться ненароком к ее руке. Затем он подошел к остальным и объяснил, что происходит. Тесс услышала, как Генри сказал, что нужно забрать из дома все записи Бенедикта, а затем захлопнула дверцу экипажа, и они с Джемом погрузились в приятную тишину.

– Что вы нашли в доме? – спросил Джем, как только они выехали из поместья Лайтвудов и ворота остались позади. Все такой же бледный, он откинул голову на подушку и полуприкрыл глаза. Щеки юноши горели. – Я слышал, Генри говорил что-то о кабинете Бенедикта...

– Бенедикт сошел с ума у себя в кабинете, – ответила Тесс, согревая холодные руки Джема. – Еще до превращения, в те дни, когда он, по словам Габриэля, заперся в комнате и нигде не выходил. Он написал на стене что-то об «адских механизмах», и слова, похоже, выведены кровью. Там сказано, что эти механизмы не знают ни жалости, ни прощения и что их будет все больше...

– Должно быть, он имел в виду армию автоматов.

– Наверное. – Поежившись, Тесс придвинулась ближе к

Джему. — Пожалуй, это глупо, но последние пару месяцев было так спокойно...

— ...что ты забыла о Мортмейне?

— Нет. Я о нем не забыла. — Она посмотрела в окно, но взгляд ее уткнулся в занавески, которые она задернула, чтобы свет не резал Джему глаза. — Я просто надеялась, что он займется чем-нибудь другим.

— Может, так и есть. — Джем сжал руку Тесс. — Конечно, гибель Бенедикта — трагедия, но все это началось давным-давно. И ты в этом не виновата.

— В библиотеке было много всего. Записки Бенедикта, его книги. Дневники. Генри привезет их в Институт, чтобы изучить подробнее. В этих бумагах было мое имя.

Тесс замолчала. Как она могла беспокоить Джема подобными вещами, когда он чувствовал себя так плохо?

Как будто прочитав мысли Тесс, Джем провел пальцем по ее запястью.

— Тесс, это просто приступ. Он пройдет. Лучше скажи мне правду, всю правду без утайки, какой бы пугающей или горькой она ни была. Тогда я смогу разделить с тобой эту ношу. Я ни за что не допущу, чтобы ты пострадала. Этого не допустит никто из Института. — Он улыбнулся. — У тебя участился пульс.

«Правду, всю правду без утайки, какой бы пугающей или горькой она ни была».

— Я люблю тебя, — сказала Тесс.

Джем взглянул на нее, и лицо его просияло, став еще прекраснее.

– *Во си ван ни мин тянь кэ и цзя гэй во.*

– Ты... – Тесс наморщила лоб. – Ты хочешь на мне жениться? Но мы уже помолвлены. Не думаю, что можно совершить церемонию еще раз.

Он рассмеялся, и смех быстро перешел в кашель. Тесс напрыглась, но кашель был слабым, без крови.

– Я сказал, что женился бы на тебе прямо завтра, если бы мог.

Тесс вздернула подбородок и проговорила с притворной заносчивостью:

– Завтра я никак не могу, сэр.

– Но ты уже нарядилась, – с улыбкой произнес Джем.

Девушка посмотрела на изодранное в клочья золотистое свадебное платье.

– Разве только свадьба состоится на бойне, – допустила она. – Ну, это платье мне все равно не очень понравилось. Слишком уж пышное.

– По-моему, ты выглядела в нем прекрасно, – мягко заметил Джем.

Тесс положила голову ему на плечо.

– Не в последний раз, – сказала она. – В другой день, в другом платье. Когда ты будешь здоров, когда все будет идеально.

– Ничего не бывает идеально, Тесс, – произнес Джем все

так же мягко, но со страшной усталостью в голосе.

Софи стояла у окна в своей маленькой спальне и не спускала глаз со двора. Экипажи уехали несколько часов назад, и она уже должна была вычистить камин, но ведро и щетка лежали нетронутые у ее ног.

Из кухни доносился голос Бриджет:

Граф Ричард воспитывал дочку,
И не было деvy милей,
А та полюбила красавца Уильяма,
Хоть он и не ровня ей.

Когда Бриджет была в особенно музыкальном настроении, Софи хотелось спуститься вниз и сунуть ее головой в духовку, как ведьма из сказки про Гензеля и Гретель. Но Шарлотта этого бы не одобрила. Бриджет угораздило петь о запретной любви между людьми из разных сословий как раз в тот момент, когда сама Софи проклинала себя, отчаянно теребя занавеску, и не могла перестать волноваться за юношу, чьи серо-зеленые глаза все никак не выходили у нее из памяти. Не случилось ли с Гидеоном чего-нибудь ужасного? Не ранен ли он? Смог ли он одолеть отца? А что, если ему пришлось...

Ворота Института со скрипом отворились, и экипаж под управлением Уилла въехал во внутренний двор. Софи узнала юношу по черным волосам, развевавшимся на ветру. Он

соскочил с козел и помог Тесс выйти из экипажа – и даже издалека Софи заметила, в какой беспорядок пришло ее свадебное платье, – а затем поддержал Джема, который спустился с подножки, тяжело опираясь на плечо друга.

У Софи перехватило дыхание. Она больше не воображала себя влюбленной в Джема, но все-таки переживала за него. Относиться к нему иначе было невозможно: он всегда оставался таким великодушным, добрым и щедрым! И всегда был вежлив с ней. Софи радовалась, что в последние месяцы у него не случалось «недомоганий», как это называла Шарлотта. Хотя счастье и не излечило его, он, казалось, стал сильнее, крепче...

Все трое зашли в здание Института. К фыркающим коням уже подоспел из конюшен Сирил. Софи глубоко вздохнула и выпустила занавеску из рук. Возможно, Джему понадобится и ее помощь. Если она может сделать хоть что-то... Горничная отошла от окна и поспешила вниз по узкой лестнице для слуг.

Бледная как полотно Тесс в нерешительности стояла возле спальни Джема. Сквозь полуоткрытую дверь Софи увидела, как Шарлотта склонилась над сидящим на кровати Джемом, а Уилл прислонился к камину, скрестив руки на груди, и не сводил обеспокоенного взгляда со своего друга. Заметив Софи, Тесс подняла голову, и щеки ее слегка порозовели.

– Софи! – воскликнула она. – Софи, Джем нездоров. У него очередной... очередной приступ.

– Все будет в порядке, мисс Тесс. Он и раньше болел, но каждый раз все проходит.

Тесс закрыла глаза, и Софи увидела, что под ними залегли серые тени. Никто из девушек не сказал этого вслух, но обе подумали, что однажды Джем не сможет справиться с приступом.

– Надо было мне принести горячую воду, – виноватым тоном произнесла Софи, – и тряпки...

– Это я должна была принести все это, – возразила Тесс. – И я бы все сделала, но Шарлотта велела мне сменить платье. При попадании на кожу кровь демона опасна. Шарлотта послала Бриджет за тряпками и припарками, а с минуты на минуту здесь будет Брат Енох. Джем и слышать об этом не хочет, но...

– Я все поняла, – твердо сказала Софи. – Если вы тоже заболите, ему это не поможет. Я помогу вам снять платье. Пойдемте скорее, разберемся с ним.

Тесс распахнула глаза.

– Милая Софи... Ты, как всегда, права.

Она двинулась по коридору к своей комнате, но у двери остановилась и обернулась, чтобы взглянуть на служанку. Огромные серые глаза Тесс встретились с глазами Софи, и Тесс кивнула, словно подтверждая правильность своей догадки.

– С *ним* все в порядке. Он совсем не пострадал.

– Мастер Джем?

Тесс покачала головой.
– Нет, Гидеон Лайтвуд.
Софи вспыхнула.

Габриэль не понял, почему брат велел ему отправиться в институтскую гостиную и ждать там, но повиновался ему. Даже после всего, что случилось, он беспрекословно подчинился Гидеону. К его удивлению, комната была обставлена очень просто и совсем не походила на богато украшенные гостиные в доме Лайтвудов в Пимлико и в чизвикском особняке. Выцветшие обои с махровыми розами; стол, забрызганный чернилами и испещренный царапинами от ножей для бумаг и острых перьев; каминная решетка, черная от сажи. Над камином висело покрытое разводами зеркало в золоченой раме.

Габриэль взглянул на собственное отражение. Ворот доспехов был разорван, на подбородке виднелся красный рубец заживающего пореза. Вся одежда была в крови – была это его собственная кровь или кровь отца?

Он быстро отвел глаза. Ему всегда казалось странным, что из двух братьев именно он вырос похожим на их мать, Барбару. Он помнил ее высокой, стройной, со выющимися каштановыми волосами и глазами такого же чистейшего зеленого цвета, как трава на лужайке, спускавшейся от дома прямо к реке. Гидеон же пошел в отца – широкоплечий, крепко сбитый, с зеленовато-серыми глазами. Но по иронии судь-

бы характер отца – его упрямство, вспыльчивость и неспособность прощать – унаследовал именно Габриэль. Гидеон и Барбара не любили ссор. Они были куда спокойнее и рассудительнее и не отступали от своих убеждений. Они оба были больше похожи на...

В гостиную вошла Шарлотта Бранвелл, одетая в свободное платье. Глаза ее сверкали, как глаза маленькой птички. При каждой встрече Габриэль поражался тому, какая она миниатюрная. О чем только думал консул Вейланд, передавая в руки этой крошечной женщины управление Институтом и власть над всеми Сумеречными охотниками Лондона?

– Габриэль, – кивнула она. – Твой брат сказал, что ты не пострадал.

– Со мной все хорошо, – кратко ответил Габриэль.

Как только слова сорвались с его губ, он понял, что они прозвучали слишком грубо. Вообще-то он этого не хотел. Его отец годами твердил, как глупа и бесполезна Шарлотта Бранвелл и как легко она поддается чужому влиянию. Хотя Габриэль и знал, что брат убежден в обратном – и убежден настолько, чтобы покинуть семью и переехать жить в Институт, – забыть об этом было не так уж легко.

– Я думал, вы еще с Карстерсом.

– Прибыли Брат Енох и еще один Безмолвный Брат. Они отослали всех из комнаты Джема. Уилл мечется по коридору, как загнанная в клетку пантера. Бедный мальчик. – Шарлотта подошла к камину и по дороге взглянула на Габриэ-

ля своими умными глазами, но быстро опустила ресницы. – Но хватит об этом. Как я поняла, вашу сестру уже отвезли в резиденцию Блэкторнов в Кенсингтоне. Может быть, ты хочешь, чтобы я отослала кому-нибудь сообщение?

– С-сообщение?

Шарлотта остановилась у камина, сложив за спиной руки.

– Тебе нужно где-то остановиться, Габриэль. Скоро мне придется попросить тебя уйти.

«Попросить меня уйти?» Неужели эта ужасная женщина действительно прогоняла его из Института? Отец всегда говорил ему: «Фэйрчайлдам наплевать на всех и вся, за исключением самих себя и Закона».

– Я... Дом в Пимлико...

– Мы скоро известим консула обо всем, что произошло в особняке, – сказала Шарлотта. – Оба лондонских дома семьи Лайтвудов будут конфискованы по решению Конклава – по крайней мере, на время, необходимое для обыска. Нужно выяснить, не оставил ли твой отец после себя каких-нибудь улик.

– Каких еще улик?

– Сведений о своих планах, – невозмутимо пояснила Шарлотта. – О связи с Мортмейном, о планах Мортмейна. Об адских механизмах.

– Да я, черт возьми, в жизни не слышал ни о каких адских механизмах, – возразил Габриэль и вспыхнул: он только что выругался в присутствии леди, пускай то и была всего лишь

Шарлотта.

– Я верю тебе, – сказала она. – Не знаю, поверит ли в это консул Вейланд, но это решать не мне. Если ты дашь мне адрес...

– У меня нет адреса, – отчаянно бросил Габриэль. – Куда мне идти?

Шарлотта молча смотрела на юношу, приподняв одну бровь.

– Я хочу остаться с братом, – наконец признался он, понимая, что слова эти прозвучали раздраженно, но не умея справиться с гневом.

– Но твой брат живет здесь, – ответила Шарлотта. – А ты вполне ясно выразил свое отношение к Институту и ко мне лично. Джем рассказал мне о твоих взглядах. Сказал, что ты полагаешь, будто мой отец довел до самоубийства твоего дядю. Это не так, но я не жду, что ты мне поверишь. Так что я не понимаю, почему ты хочешь остаться здесь.

– Институт – это убежище.

– А под руководством твоего отца он тоже остался бы убежищем?

– Я не знаю! Я не знаю, какие у него планы... какие у него *были* планы!

– Так почему ты во всем соглашался с ним? – Шарлотта говорила мягко, но в голосе ее не слышалось ни капли сочувствия.

– Потому что он мой отец! – воскликнул Габриэль.

Он отвернулся от Шарлотты и тяжело задышал. Едва осознавая, что делает, он обхватил себя обеими руками, как будто бы пытаясь спастись от неминуемой развязки.

Воспоминания последних двух недель, которые Габриэль пытался заключить в самые отдаленные уголки своей памяти, обрушились на него с новой силой: несколько недель, проведенных в доме, откуда отослали всех слуг, жуткие звуки с верхнего этажа, крики в ночи, окровавленные ступеньки, неразборчивая речь отца, доносившаяся из-за закрытой двери библиотеки, странные фразы, которые звучали так, словно он забыл, как говорить по-человечески...

– Если вы собираетесь выставить меня на улицу, – с жуткой решимостью в голосе сказал Габриэль, – тоставляйте сейчас. Я не хочу думать, что у меня есть дом, когда у меня его нет. Я не хочу думать, что снова увижусь со своим братом, если этого не случится.

– Думаешь, он не пойдет за тобой? Не разыщет тебя, где бы ты ни был?

– Думаю, он уже показал, кто ему важнее всего, – произнес Габриэль, – и это не я. – Он медленно выпрямился и опустил руки. – Прогоните меня или позвольте остаться. Умолять я не буду.

– Этого и не нужно, – вздохнула Шарлотта. – Еще ни разу я не прогоняла человека, который говорил мне, что ему некуда идти. Не прогоню и сейчас. Я прошу только одного. Разрешая кому-либо жить в Институте, в самом сердце Кон-

клава, я даю этому человеку огромный кредит доверия. Не заставь меня пожалеть о том, что я поверила в тебя, Габриэль Лайтвуд.

Тени в библиотеке стали длиннее. Тесс сидела возле окна, рядом с притушенной голубой лампой. У нее на коленях уже несколько часов лежала раскрытая книга, но читать не получалось: глаза девушки скользили по строкам, но она не понимала слов и часто останавливалась, пытаясь припомнить, кем был тот или иной персонаж и почему он поступил так, а не иначе.

Она как раз собиралась вернуться к началу пятой главы, когда за спиной вдруг скрипнула половица. Обернувшись, Тесс увидела Уилла. Волосы его были влажными, перчатки торчали из кармана.

Тесс отложила книгу на подоконник.

– Уилл, ты меня напугал.

– Я не хотел мешать, – тихо сказал он. – Раз ты читаешь... – Уилл развернулся.

– Нет-нет, – покачала головой Тесс, и юноша замер. – Никак не могу углубиться в книгу. Не могу успокоиться.

– И я тоже, – кивнул Уилл, снова повернувшись к Тесс.

На нем больше не было крови. Он сменил одежду и смыл все брызги с кожи, хотя на шее, под воротником, еще виднелись розоватые царапины, заживающие под действием рун.

– Есть новости о моем... о Дžeme?

– Никаких изменений, – сказал Уилл, хотя Тесс и сама догадалась об этом: случись что-то – Уилла бы здесь не было. – Братья до сих пор никого не пускают в комнату, даже Шарлотту. А ты почему здесь? Почему в темноте?

– Бенедикт написал кое-что на стене кабинета, – негромко произнесла Тесс. – Видимо, еще до того, как он превратился в демона, или в процессе превращения. Не знаю. «Адские механизмы не знают жалости. Адские механизмы не знают прощения. Адским механизмам нет числа. Адские механизмы не остановить».

– Адские механизмы? Наверное, он имел в виду механических созданий Мортмейна. Но мы уже несколько месяцев не сталкивались ни с одним из них.

– Но это не значит, что они не вернутся, – возразила Тесс. Она посмотрела на испарянный библиотечный стол. Как часто, должно быть, Уилл и Джем сидели здесь бок о бок за учебой и от скуки вырезали на дереве свои инициалы?

– Из-за меня вы в опасности.

– Тесс, мы уже об этом говорили. Ты не представляешь опасности. Да, ты нужна Мортмейну, но, если бы ты не была здесь под защитой, он бы с легкостью добрался до тебя. На что бы он тогда обратил твои силы? Мы не знаем. Мы знаем лишь то, что он мечтает тебя заполучить, поэтому нам выгоднее оберегать тебя от него. Это не бескорыстие. Сумеречным охотникам оно не свойственно.

Тесс подняла глаза.

– По-моему, ты бескорыстен. – Услышав, как Уилл несогласно фыркнул, она продолжила: – Ты ведешь себя безупречно. Конклав и правда порой кажется безжалостным. *Мы – прах и тени.* Но ты похож на героя древних мифов, на Ахилла или Ясона.

– Ахилл погиб от отравленной стрелы, а Ясон умер в одиночестве под обломками собственного прогнившего корабля. Вот судьба героев. Одному Ангелу известно, почему все хотят ими стать.

Тесс посмотрела на Уилла. Под синими глазами юноши залегли тени, пальцами он невольно, сам не замечая этого, тербил манжеты рубашки. Прошло уже несколько месяцев – несколько месяцев с того момента, когда они в последний раз оставались наедине больше, чем на пару секунд. В последнее время они только случайно сталкивались друг с другом в коридорах и во дворе и неловко обменивались любезностями. Тесс скучала по его шуткам, по тем книгам, которые он приносил ей, по веселым огонькам, плясавшим в его взгляде. Вспомнив Уилла таким, каким он был раньше, она, не подумав, сказала:

– Я все вспоминаю твои слова.

– Правда? – удивленно переспросил он. – Какие же?

– Ты сказал, что порой, не зная, что делать, представляешь себя героем книги, потому что за него решить гораздо легче.

– Знаешь, – начал Уилл, – наверное, не стоит следовать моим советам, если хочешь счастья.

– Не счастья. Не совсем. Я хочу помочь... добру... – Тесс вздохнула. – И я обращалась ко многим книгам, но если в них и содержатся хорошие советы, я их не нашла. Ты говорил, что воображал себя Сиднеем Картоном...

Вздыхнув, Уилл опустился в кресло, стоящее по другую сторону стола, и полуприкрыл глаза.

– В таком случае я, наверное, понимаю, кем в этой книге были бы мы все, – продолжила Тесс. – Но я не хочу быть Люси Манетт, ведь она ничего не сделала, чтобы спасти Чарльза, предоставив это Сиднею. Она поступила с ним слишком жестоко.

– С Чарльзом? – спросил Уилл.

– С Сиднеем, – ответила Тесс. – Он хотел стать лучше, но Люси не помогла ему.

– Она не могла ему помочь. Она была помолвлена с Чарльзом Дарнеем⁴.

– И все же ей следовало быть добрее.

Уилл быстро поднялся на ноги и наклонился вперед, положив руки на стол. В голубом свете лампы глаза его казались особенно синими.

– Иногда приходится выбирать между порядочностью и добродетелью, – сказал он.

– А что из этого лучше? – прошептала Тесс.

Губы Уилла изогнулись в горькой улыбке.

– Думаю, это зависит от книги.

⁴ Персонажи «Повести о двух городах» Чарльза Диккенса.

Тесс подняла голову и взглянула в глаза юноше.

– Тебе знакомо чувство, – произнесла она, – когда читаешь книгу и понимаешь, что все закончится трагически, видишь, как тучи постепенно сгущаются и нависают над героями, которые живут на страницах, но не можешь оторваться от этой истории, словно ты привязан к стремительно несущемуся экипажу, который не собирается останавливаться? – Синие глаза Уилла потемнели – само собой, он прекрасно понимал, о чем говорила Тесс, – и девушка продолжила: – Мне кажется, что сейчас происходит то же самое, только не с выдуманными героями, а с моими любимыми друзьями и товарищами. Я не хочу сидеть сложа руки и ждать, когда трагедия настигнет нас. Мне хочется предотвратить ее, но я никак не могу понять, как это сделать.

– Ты боишься за Джема, – сказал Уилл.

– Да, – кивнула Тесс. – И за тебя я боюсь тоже.

– Нет, – хрипло возразил Уилл. – Я этого не заслуживаю, Тесс.

Не успела она ответить, как дверь библиотеки отворилась. На пороге появилась вымотанная Шарлотта. Уилл быстро повернулся к ней.

– Как Джем? – спросил он.

– Он очнулся, уже разговаривает, – ответила Шарлотта. – Он принял немного инь-феня, а Безмолвные Братья смогли остановить внутреннее кровотечение.

При упоминании о внутреннем кровотечении лицо Уил-

ла исказилось, как будто к горлу юноши подкатил приступ тошноты. Тесс подумала, что и сама выглядела не лучше.

– Его можно навестить, – продолжала Шарлотта. – Вообще-то он даже просил, чтобы его навестили.

Уилл и Тесс быстро переглянулись. В эту минуту оба они думали об одном: кто пойдет к Джемму? Тесс была его невестой, а Уилл – парабатаем, что само по себе считалось священным. Уилл уже сделал шаг назад, когда Шарлотта усталым голосом произнесла:

– Он просил, чтобы зашел ты, Уилл.

Уилл удивленно посмотрел на Тесс.

– Я...

Тесс не могла отрицать, что она не ожидала такого и, услышав слова Шарлотты, даже почувствовала укол ревности, но решительно отбросила от себя эти мысли. Она любила Джема и хотела того же, чего хотел он сам. Вдобавок он никогда ничего не делал без причины.

– Иди, – мягко сказала она. – Это вполне естественно, что он хочет увидеть тебя.

На полпути к двери, где его ожидала Шарлотта, Уилл обернулся и снова подошел к Тесс.

– Тесс, – сказал он, – пока я буду с Джемом, ты не окажешь мне услугу?

Тесс посмотрела ему в глаза и тяжело вздохнула. Он был слишком близко: образ Уилла заполнял все ее поле зрения, и, кроме его голоса, она больше ничего не слышала.

— Конечно, — кивнула она. — Как тебе помочь?

*Кому: Эдмунду и Линетт Эрондейлам
Поместье Рэйвенскар
Вест-Рединг, Йоркшир*

[ЗАЧЕРКНУТО]

Дорогие папа и мама!

*Я понимаю, что с моей стороны было трусостью
сбежать на рассвете, не дождавшись вашего
пробуждения, и оставить после себя лишь записку, но
я не нашла в себе сил сообщить о своем решении вам в
лицо. Невозможно представить себе более непослушной
дочери.*

*Как мне объяснить свое решение? Как рассказать
вам, что подтолкнуло меня к нему? Даже сейчас это
кажется безумием. На самом деле каждый следующий
день безумнее предыдущего. Ты не солгал мне, папа,
когда сказал, что жизнь Сумеречного охотника похожа
на беспокойный сон...*

Сесили яростно перечеркнула все написанное, смяла листок и положила голову на стол.

Она уже много раз начинала это письмо, но до сих пор не добилась удовлетворительного результата. Возможно, время для очередной попытки сейчас было не самое лучшее: Сесили никак не могла успокоиться с той самой минуты, как они вернулись в Институт. Все хлопотали над Джемом, а Уилл после возвращения в Институт не перекинулся с ней и парой

слов. Генри побежал за Шарлоттой, Гидеон увел куда-то Габриэля, и Сесили осталась одна.

Она закрылась в спальне и, не снимая доспехов, свернулась в клубок на мягкой кровати с балдахином. Лежа в тени, она слушала, как за окном кипит лондонская суэта, и сердце ее сжималось от неожиданной и острой тоски по дому. Подумав о зеленых холмах Уэльса, о маме и папе, она пулей выскочила из кровати, села за стол и подготовила перо и бумагу, в спешке забрызгав чернилами пальцы. И все же ей никак не удавалось подобрать верные слова, облечь свое одиночество в такую форму, чтобы родители ее поняли.

В этот момент раздался стук. Сесили взяла со стола книгу, раскрыла ее, притворившись, что ее застали за чтением, и крикнула:

– Войдите!

Дверь отворилась. На пороге в нерешительности замерла Тесс. Она сменила изорванное свадебное платье на простое одеяние из синего шелка. На шее у девушки, как всегда, блестяли две подвески: механический ангел и нефритовый кулон, который Джем подарил ей в преддверии свадьбы. Сесили удивленно посмотрела на Тесс. Хотя девушки хорошо относились друг к другу, они не были близки. Тесс держалась с сестрой Уилла слишком уж настороженно и вообще казалась слегка не от мира сего. Сесили знала, что Тесс способна принимать облик любого человека, и не могла избавиться от чувства, что это неестественно. Как можно быть уверенным,

что человек показывает вам свое настоящее лицо, если может сменить его с такой же легкостью, с какой кокетка меняет наряды?

– Да? – сказала Сесилия. – Мисс Грей?

– Называй меня Тесс, – ответила гостья, закрывая за собой дверь. Она уже не в первый раз просила Сесили называть ее по имени, но избавиться от привычки было не так-то просто. – Я пришла проверить, все ли с тобой хорошо и не нужно ли тебе чего-нибудь.

– Ах, – слегка разочарованно вздохнула Сесили. – Спасибо. У меня все в порядке.

Тесс подошла ближе.

– Это «Большие надежды»?

– Да.

Сесили не стала упоминать, что она взяла эту книгу, чтобы попытаться понять Уилла, – однажды она видела, как брат читал ее. Пока что она ничего не понимала. Пип был мрачен, а Эстелла так отвратительна, что Сесили постоянно хотелось ее встряхнуть.

– Эстелла, – мягко сказала Тесс, – до последнего моего вздоха вы останетесь частью меня, частью всего, что во мне есть хорошего и что есть плохого.

– Ты тоже заучиваешь наизусть отрывки из книг, прямо как Уилл? Или этот тебе особенно нравится?

– Памяти Уилла я могу только позавидовать, – сказала Тесс, сделав еще шаг вперед. – Или его руне мнемозины. Но

мне нравится эта книга. – Она изучала лицо Сесили своими серыми глазами. – Почему ты не переделась?

– Хотела пойти в тренировочный зал, – ответила Сесили. – Там хорошо думается и никто не указывает мне, что делать.

– Снова на тренировку? Сесили, ты ведь только из боя! – запротестовала Тесс. – Иногда для полного излечения однократного нанесения рун недостаточно. Прежде чем ты снова начнешь тренироваться, я попрошу, чтобы кто-нибудь осмотрел тебя: Шарлотта или...

– Или Уилл? – бросила Сесили. – Если бы хоть кому-то из них было до меня дело, они бы уже пришли.

Тесс остановилась возле кровати.

– Не думай, что Уиллу нет до тебя дела.

– Но его ведь здесь нет!

– Это он послал меня, – объяснила Тесс, – потому что сам пошел к Джему.

Как будто бы это все объясняло! Впрочем, в определенном смысле так оно и было, подумала Сесили. Она знала, что Уилл и Джем – близкие друзья, и понимала, что между ними есть и более глубокая связь – связь парабатаев. Она читала о парабатах в Кодексе. Там говорилось, что эта связь крепче братской любви и уз крови.

– Джем – его парабатай. Он поклялся быть рядом в такие моменты.

– Он все равно был бы рядом с ним, и клятва здесь ни при

чем. Он был бы рядом с любимым из вас. Но ему нет дела до того, нужна ли мне еще одна руна *ираци*.

– Сеси... – начала Тесс. – Проклятие Уилла...

– Оно даже не было настоящим!

– Знаешь, – задумчиво произнесла Тесс, – в некотором роде было. Он верил, что никто не может любить его. Что если он позволит кому-нибудь любить его, этот человек умрет. Поэтому он бросил вас. Он бросил вас, чтобы вы были в безопасности, но теперь ты здесь – и с его точки зрения ты совсем не в безопасности. Уилл не вынесет осмотра твоих ран, ведь ему кажется, будто он сам нанес их тебе.

– Это мой выбор. Я хочу стать Сумеречным охотником. И не только потому, что мне хочется быть рядом с Уиллом.

– Я знаю, – кивнула Тесс. – Но когда Уилл отравился кровью вампира и захлебывался святой водой, именно я сидела с ним – и я помню, чье имя он бормотал в забытьи. Он звал тебя.

– Уилл звал меня? – удивилась Сесили.

– О да. – Тесс едва заметно улыбнулась. – Само собой, он не сказал мне, кто ты, когда я спросила, и это чуть с ума меня не свело... – Осекшись, Тесс отвела глаза.

– Почему?

– Я сгорала от любопытства, – пожав плечами, сказала Тесс, хотя на щеках ее выступил румянец. – Таков уж мой главный порок. Как бы то ни было, он тебя любит. Я знаю, что с Уиллом всегда непросто, но то, что его здесь нет, только

еще раз доказывает мне, насколько ты ему дорога. Он привык отталкивать от себя всех, кого он любит, поэтому чем больше он любит тебя, тем более отчаянно старается этого не показать.

– Но ведь проклятия нет...

– Привычка – вторая натура, от нее не так просто избавиться, – грустно сказала Тесс. – Не заблуждайся на его счет, Сесили. Он только делает вид, что ему нет до тебя дела. Если хочешь, выведи его на чистую воду, но не отворачивайся от него, не ставь на нем крест. Не выбрасывай его из сердца. Иначе ты будешь сожалеть об этом всю жизнь.

Кому: Членам Совета

От: Консула Джошуа Вейланда

Джентльмены, прошу простить меня за задержку с ответом. Я не хотел принимать поспешных решений и давать необдуманных рекомендаций. Мои слова должны были стать обоснованным выводом из должных размышлений.

Боюсь, я не могу одобрить вашу рекомендацию Шарлотты Бранвелл на пост моего преемника. Хотя у нее золотое сердце, она слишком взбалмошная, чувствительная, несдержанная и непокорная особа, чтобы стать хорошим консулом. Как мы знаем, слабый пол имеет свои недостатки, не свойственные мужчинам, и, к несчастью, она подвержена им всем. Нет, я не могу рекомендовать ее. Я предлагаю

вам рассмотреть другую кандидатуру — моего племянника Джорджа Пенхоллоу, которому в этом ноябре исполнится двадцать пять лет. Он отличный Сумеречный охотник и прекрасный молодой человек. Не сомневаюсь, он обладает всеми необходимыми моральными качествами и силой духа, чтобы возглавить Сумеречных охотников в наступающем десятилетии.

Во имя Разиэля,

Консул Джошуа Вейланд

Быть разумным и влюбленным

Ведь быть разумным и влюбленным трудно.
– Уильям Шекспир, «Троил и Крессида»⁵

– Я думал, у тебя уже готова песенка, – сказал Джем.

Уилл с любопытством взглянул на друга. Хотя Джем и просил Уилла прийти, он, похоже, был не в настроении. Он молча сидел на краю кровати в чистой рубашке и брюках, но рубашка была ему велика и подчеркивала нездоровую худобу. На ключицах юноши еще виднелись капли засохшей крови, и, казалось, будто шею его обвивает какое-то жуткое ожерелье.

– Песенка о чем?

– О битве с червем, – усмехнулся Джем. – Ты ведь так и сыпал шутками...

– Последние несколько часов мне было не до шуток, – признался Уилл и скользнул глазами по окровавленной одежде, сваленной горой возле тумбочки, и по полупустой склянке с розоватой жидкостью.

– Не опекай меня, Уилл, – сказал Джем. – Все меня опекают, и это просто невыносимо. Я позвал тебя, потому что

⁵ Перевод Т. Гнедич.

знал, что ты этого делать не будешь. Потому что ты рассмешишь меня.

— О, с удовольствием, — всплеснул руками Уилл. — Как тебе такое?

Ура, мне не нужно больше твердить,
Что с хворью вам прежним уже не быть.
Увы, пришлось нам червя убить,
Чтоб мне голословным больше не слыть.
Зато теперь вас легко убедить!

Джем расхохотался.

— Ну и жуть!

— Это экспромт!

— Уилл, есть такая штука, размер называется... — Смех Джема сменился кашлем.

Уилл подскочил к другу. Джем содрогался всем телом, склонившись над кроватью. На белой простыне расплывались алые пятна.

— Джем...

Джем махнул рукой в сторону шкатулки, стоявшей на тумбочке. Уилл дотянулся до нее, заметив на крышке до боли знакомый рисунок с женщиной, льющей воду из кувшина, — один ее вид был ему противен.

Он открыл шкатулку и замер. Серебристый порошок едва прикрывал деревянное дно. Может, часть его Безмолвные Братья использовали для лечения Джема — этого Уилл

не знал. Зато он знал наверняка, что порошка должно было быть намного больше.

– Джем, – обеспокоенно сказал он, – неужели это все, что осталось?

Джем уже не кашлял. У него на губах была кровь. Не в силах пошевелиться, Уилл наблюдал, как его друг промокнул рот рукавом рубашки, и ткань стала алой. Казалось, Джема лихорадило, его бледная кожа горела.

– Уилл, – тихо сказал он.

– Два месяца назад, – начал Уилл и тут же понял, что неосознанно повышает голос, и сдержался. – Два месяца назад я купил столько инь-феня, что его должно было хватить на год.

В печальном взгляде Джема был вызов.

– Я стал принимать его чаще.

– Чаще? Насколько?

Джем отвел глаза.

– Я принимал вдвое, а может, и втрое больше.

– Но наркотик убивает тебя! – воскликнул Уилл и, когда Джем ничего не ответил, задал лишь один вопрос: – Зачем?

– Я не хочу жить полужизнью...

– Но так твоя жизнь и до одной пятой не дотянет! – крикнул Уилл.

Он шумно вдохнул. Выражение лица Джема изменилось, и Уиллу пришлось поставить шкатулку обратно на тумбочку, чтобы не швырнуть ее в стену.

Джем выпрямился. Глаза его сверкали.

– Жить – это не просто не умирать, – сказал он. – Посмотри на то, как живешь ты, Уилл. Ты сияешь, как звезда. Прежде я принимал ровно столько наркотика, чтобы поддерживать в себе жизнь, но не чтобы чувствовать себя хорошо. Может, немного больше перед битвами, чтобы прибавилось сил, но в остальное время – полужизнь, серые сумерки жизни...

– Но теперь ты изменил дозировку? Когда? После помолвки? – бушевал Уилл. – Из-за Тесс?

– Ты не можешь ее в этом винить. Это мое решение. Она о нем не знала.

– Она бы хотела, чтобы ты жил, Джеймс...

– Да я ведь не жалец! – Джем вскочил на ноги, его щеки вспыхнули – Уилл никогда еще не видел его таким сердитым. – Я не жалец! Но у меня есть выбор: либо отдавать ей всего себя и сиять ярче звезд, пусть и недолго, либо влачить жалкую полужизнь чуть дольше и все это время мучить ее. Это мой выбор, Уильям, и здесь решать не тебе.

– Может, и мне. Это ведь я покупаю тебе инь-фень...

Джем побледнел.

– Если ты откажешься, я буду покупать его сам. Я бы раньше и покупал сам, если бы ты не вызвался. А что до этого... – Он снял с пальца фамильный перстень Карстерсов и протянул его Уиллу. – Возьми.

Уилл скользнул глазами к перстню и снова посмотрел на

Джема. В голове промелькнул десяток ужасных вещей, которые можно было сказать или сделать. Нельзя вот так разбрасываться друзьями. Он так долго притворялся грубым, что и теперь пытался защититься своим панцирем, как человек случайно сворачивает в сторону дома, где прожил много лет, забывая о том, что переехал.

– Теперь ты хочешь жениться на мне? – наконец спросил он.

– Продай кольцо, – сказал Джем. – Оно стоит немало. Я же говорил, не следует тебе платить за мой наркотик. Однажды я заплатил за твой и чувствовал себя ужасно.

Поморщившись, Уилл посмотрел на фамильную драгоценность Карстерсов, лежащую на бледной ладони Джема. Он нежно прикоснулся к пальцам друга и сомкнул их на кольце.

– С каких это пор ты так безрассуден? И с каких пор я так осторожен? С каких это пор мне нужно защищать тебя от самого себя? Ведь это ты всегда оберегал меня. – Он посмотрел в глаза Джему. – Помоги мне понять тебя.

После долгого молчания Джем сказал:

– Вначале, когда я понял, что влюблен в Тесс, я решил, что меня исцеляет любовь. У меня очень долго не было приступов. И, попросив ее руки, я сказал ей об этом. Сказал, что любовь – мое лекарство. Но потом это случилось снова, и теперь я уже не мог признаться Тесс: ведь она могла подумать, что я уже не так сильно ее люблю. Я увеличил дозу нар-

котика, чтобы справиться с болезнью. Вскоре мне пришлось принимать все больше и больше, чтобы просто держаться на ногах, — раньше такого количества хватало мне на неделю. Мне остались считанные годы, Уилл. А может, даже считанные месяцы. И я не хочу, чтобы Тесс об этом знала. Пожалуйста, не говори ей. Не ради нее, а ради меня.

Сам того не желая, Уилл все понял. Ведь он и сам пошел бы на что угодно, на какую угодно ложь, на какой угодно риск, чтобы только Тесс любила его. Он решился бы...

Почти на все. Он не мог лишь предать Джема. На это он не был готов. И Джем стоял перед ним, надеясь найти в друге сочувствие и понимание, и Уилл держал его за руку. Как мог Уилл его не понять? Он помнил, как сидел в гостиной Магнуса и мечтал провалиться в геенну огненную, только бы не пришлось прожить еще хотя бы час той жизнью, которой он больше не мог выносить.

— Значит, ты умираешь ради любви, — наконец произнес Уилл натянутым голосом.

— Умираю немного быстрее ради любви. Люди умирают и ради вещей похуже.

Уилл выпустил руку Джема. Тот бросил короткий взгляд на перстень и снова посмотрел другу в глаза.

— Уилл...

— Я пойду в Уайтчепел, — ответил Уилл на его невысказанный вопрос. — Сегодня же. Я скуплю весь инь-фень, который у них найдется, чтобы у тебя не было в нем недостатка.

Джем покачал головой.

– Я не могу просить тебя поступать против совести.

– Совесть... – прошептал Уилл. – Ты моя совесть, Джеймс Карстерс. Я сделаю это ради тебя, но возьму с тебя одно обещание.

– Какое обещание?

– Несколько лет назад ты просил меня не искать для тебя настоящее лекарство, – сказал Уилл. – Я прошу тебя освободить меня от этого обещания. Позволь мне хотя бы попытаться. Позволь возобновить поиски.

Джем удивленно посмотрел на него.

– Стоит мне только подумать, что я знаю тебя вдоль и поперек, как ты снова меня удивляешь. Да, я освобождаю тебя. Ищи. Делай что должен. Я не могу сдерживать твои благие намерения, это было бы жестоко. Да и я на твоём месте поступил бы точно так же. Ты ведь это знаешь?

– Знаю. – Уилл подошел ближе к другу и положил руки ему на плечи, с мукой в сердце осознавая, насколько хрупким стал Джем, какие тонкие у него кости. – Это не пустое обещание, Джеймс. Поверь, никто лучше меня не знает, что такое боль несбывшихся надежд. Я буду искать. Если можно найти хоть что-то, я найду это. Но до тех пор твоё жизнь принадлежит лишь тебе, так что ты волен сам решать, какой жизни ты хочешь.

– Разумеется, – неожиданно улыбнулся Джем. – Но очень любезно с твоей стороны напомнить мне об этом.

– Да я сама любезность! – хмыкнул Уилл и посмотрел в лицо Джему, родное и знакомое, как его собственное. – И решимость. Ты меня не покинешь. Только через мой труп.

Глаза Джема округлились, но он ничего не сказал. Говорить больше было нечего. Развернувшись, Уилл вышел из комнаты.

Сесили стояла посреди тренировочного зала, сжимая в руке кинжал. Прицелившись, она метнула его, и клинок вошел в стену за пределами мишени.

Разговор с Тесс не успокоил ее, а только еще больше разволновал. Тесс окружал ореол печали и смирения, который встревожил Сесили. Как бы она ни злилась на Уилла, она чувствовала, что Тесс боится за него, но держит этот страх так глубоко в сердце, что никогда бы в нем не призналась. Сесили отчаянно хотела узнать, с чем он связан. Как она могла защитить брата, если не знала, от чего его защищать?

Вытащив кинжал из стены, она снова замахнулась и метнула его. На этот раз нож воткнулся еще дальше от цели, и девушка гневно вздохнула.

– *Uffern nef!*⁶ – воскликнула она по-валлийски.

Мама бы ужаснулась ее сквернословию, но мамы, по счастью, рядом не было.

– Пять, – донеслось из коридора.

Вздрагнув, Сесили обернулась. На пороге стоял Габриэль

⁶ Вот черт! (*валл.*).

Лайтвуд. Его каштановые волосы были взъерошены, зеленые глаза сверкали. Он был таким же высоким, как Уилл, а может, и выше, но не таким крепким, как брат.

– Я вас не поняла, мистер Лайтвуд.

– Ваш бросок, – объяснил юноша и повел рукой в сторону мишени. – Я оцениваю его на пять баллов. Над техникой, пожалуй, еще стоит поработать, но у вас, определенно, врожденный талант. Вам просто нужно тренироваться.

– Меня тренирует Уилл, – сказала Сесили.

Габриэль подошел ближе и слегка улыбнулся.

– Что и требовалось доказать.

– Полагаю, вы подготовлены лучше меня.

Помедлив, он подошел к стене и вытащил кинжал. Клинок блеснул, когда Габриэль ловко перевернул его.

– Вероятно, – протянул он. – Я учился у лучших и сам тренировал мисс Коллинз и мисс Грей...

– Я слышала. А потом вам это надоело. Пожалуй, от учителя обычно ожидают большей отдачи.

Тон Сесили был прохладным. Девушка знала, что Уиллу Габриэль не по нраву, и сохраняла дистанцию, хоть и помнила, как замерло ее сердце, когда Габриэль помог ей подняться в саду Лайтвудов.

Габриэль прикоснулся пальцем к острию кинжала, и на подушечке выступила капля крови. Пальцы юноши были грубыми, а на тыльной стороне ладоней пестрели веснушки.

– Вы сменили доспехи.

– Я вся была в крови и слизи. – Сесилия смерила Габриэля взглядом. – А вы, похоже, решили не переодеваться.

На лице Габриэля промелькнуло какое-то странное выражение, но тут же пропало. Впрочем, от Сесили эти перемены не ускользнули: ведь она не раз видела, как скрывает свои чувства Уилл.

– У меня нет с собой одежды, – признался он, – и я не знаю, где именно буду жить. Я мог бы вернуться в один из домов нашей семьи, но...

– Уж не думаете ли вы остаться в Институте? – удивленно спросила Сесили. – Что говорит Шарлотта?

– Она позволила мне остаться. – Внезапно Габриэль изменился в лице, и маска суровости спала, показав его уязвимость. – Здесь мой брат.

– Да, – кивнула Сесили, – и мой тоже.

Габриэль ответил не сразу, как будто бы раньше это не приходило ему в голову.

– Уилл, – произнес он. – Вы очень на него похожи. Это... пугает. – Он покачал головой, словно освобождаясь от наваждения. – Я только что видел вашего брата. Он бежал по парадной лестнице, как будто за ним гнались все четыре всадника Апокалипсиса. Вы, случайно, не знаете, куда он так спешил?

Сердце Сесилии подпрыгнуло. Она вынула кинжал из руки Габриэля, не обратив внимания на его немой протест.

– Не имею ни малейшего представления, – ответила она, –

но намереваюсь это выяснить.

Как только лондонский Сити опустел под конец рабочего дня, Ист-Энд вернулся к жизни. Уилл шел по улицам, уставленным палатками, где продавалась поношенная одежда и обувь. Старьевщики и точильщики ножей толкали тележки по переулкам, хрипло перечисляя названия своих товаров. На пороге мясных лавок, в витринах которых висели свежие туши, стояли мясники в окровавленных фартуках. Женщины развешивали выстиранное белье и громко болтали между собой на таком великолепном кокни⁷, что если бы они говорили по-русски, Уилл и то, наверное, понял бы больше.

Моросил дождь. Уилл перешел дорогу напротив закрытой табачной лавки и свернул за угол на узкую улицу. В отдалении виднелся шпиль уайтчепельской церкви. Сгущались тени, было туманно. Пахло железом и мусором. Прямо посреди улицы петляла канавка, заполненная грязной водой. Впереди виднелась арка, по обе стороны от которой висели газовые лампы. Дойдя до арки, Уилл резко свернул внутрь, выставив перед собой руку.

Раздался вскрик – и вот он уже схватил за плечо невысокого человека, одетого во все черное. Перед ним оказалась Сесили, поверх доспехов которой был небрежно наброшен бархатный плащ. Из-под капюшона волнами струились темные волосы, синие глаза пылали гневом.

⁷ Лондонское просторечие.

– Пусти меня!

– Совсем с ума сошла! Зачем ты следишь за мной на задворках Лондона? – Уилл слегка встряхнул сестру.

Глаза Сесили сузились.

– Утром ты был со мной любезнее!

– Здесь опасно, – сказал Уилл. – Ты ничего не знаешь об этих улицах. Ты даже не воспользовалась руной невидимости. Одно дело – заявлять, что ты ничего не боишься, живя за городом, и совсем другое – оказаться в Лондоне.

– Я не боюсь Лондона, – огрызнулась Сесили.

Уилл наклонился к сестре и, перейдя на валлийский, прошипел ей в ухо:

– Поможет ли, если я скажу тебе возвращаться домой?

– Нет, – рассмеялась Сесили, – совершенно не поможет. – И добавила по-валлийски: – Ты мой брат, и я хочу пойти с тобой.

Уилла поразили ее слова. До сих пор он слышал нечто подобное только от Джема. Хотя Сесили была совсем непохожа на его друга, кое-что общее у них все же имелось – непобедимое упрямство. Когда Сесили заявляла, что чего-то хочет, за ее словами стояло не смутное желание, а железная решимость.

– И тебе все равно, куда я направляюсь? – спросил Уилл. – Что, если я иду напрямиком в ад?

– Мне всегда хотелось посмотреть, что там, в аду, – ответила Сесили. – Как и всем, надо полагать.

– Большинство людей отчаянно пытается избежать такой экскурсии, – возразил Уилл. – Если тебе интересно, я иду в логово ифритов, чтобы купить наркотики у жестоких и беспринципных негодяев. Если ты пойдешь со мной, они, вероятно, положат на тебя глаз и захотят тебя продать.

– Но ты их остановишь?

– Это зависит от того, какую цену они назовут.

Сесили покачала головой.

– Джем – твой парабатай, – сказала она. – Узы между вами скреплены Конклавом. Но я – твоя кровная сестра. Почему ради него ты готов совершить что угодно, а меня лишь вечно отсылаешь домой?

– Как ты догадалась, что наркотик – для Джема?

– Я не такая дура, Уилл.

– Как ни печально, – пробормотал Уилл. – Джем... Джем – это лучшая моя половина. Я не могу ожидать, что ты поймешь это. Я ему должен.

– Тогда кто же я? – спросила Сесили.

Уилл раздраженно вздохнул.

– Ты моя слабость.

– А Тесс – твое сердце, – задумчиво добавила Сесили. – Я же сказала, я не дура, – добавила она, увидев, как поразился брат. – Я знаю, ты ее любишь.

От этих слов у Уилла словно бы закружилась голова, и он приложил руку ко лбу.

– Ты кому-нибудь рассказала? Нельзя, Сесили. Никто об

этом не знает — и я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал.

— Я бы никому не сказала.

— В этом я и не сомневался, — хрипло пробормотал Уилл. — Должно быть, ты стыдишься брата. Запретная любовь к невесте друга...

— Я не стыжусь тебя, Уилл. Какими бы ни были твои чувства, ты стараешься их сдержать. Мне кажется, все мы хотим того, чего получить не можем.

— Правда? — удивился Уилл. — И чего же хочешь ты?

— Чтобы ты вернулся домой.

Влажная прядь волос прилипла к щеке Сесили, как будто бы лицо девушки было залито слезами, хотя Уилл и понимал, что сестра не плакала.

— Мой дом — здесь, в Институте, — вздохнул Уилл и приклонился головой к каменной арке. — Я не могу весь вечер спорить с тобой, Сесили. Если ты решила идти за мной прямиком в ад, я не могу тебя остановить.

— Наконец-то ты это понял. Я, впрочем, не сомневалась: ведь мы как-никак родственники.

Уилл поборол в себе желание снова встряхнуть сестру за плечи.

— Ты готова?

Сесили кивнула, и Уилл постучал в дверь.

Дверь распахнулась, и Гидеон возник на пороге своей комнаты, часто моргая, как человек, который только что вы-

шел из темноты на яркий свет. Его рубашка и брюки были измяты, подтяжки сидели криво.

– Мистер Лайтвуд? – нерешительно произнесла Софи, державшая тяжелый поднос с булочками и чаем. – Бриджет сказала, что вы просили принести вам...

– Да, конечно. Входи.

Гидеон как будто очнулся ото сна и пропустил девушку внутрь. В комнате царил необычный беспорядок: в углу валялись ботинки, на спинке стула висели доспехи – Софи ужаснулась, подумав, как испортится обивка, – на тумбочке лежало недоеденное яблоко, а на кровати крепко спал Габриэль Лайтвуд.

Он был в одежде брата: брюки не закрывали щиколоток, а рукава рубашки – запястий. Во сне Габриэль казался моложе, а на лице его не было обычного напряжения. Одну руку он сунул под подушку.

– Не смог его разбудить, – сказал Гидеон, неосознанно обхватив себя руками. – Нужно было отвести его обратно в его спальню, но... – Он вздохнул. – Я и сам-то еле хожу.

– Он останется? – спросила Софи, опуская поднос на тумбочку. – Останется в Институте?

– Я... Я не знаю. Наверное. Шарлотта позволила ему остаться. По-моему, она его напугала. – Гидеон слегка усмехнулся.

– Миссис Бранвелл? – удивилась Софи, не терпевшая, когда критиковали ее госпожу. – Но ведь она добрейшая из лю-

дей!

– Да. Именно этим она его и напугала. Она обняла его и сказала, что, если он остается здесь, об инциденте с моим отцом все забудут. Не знаю, правда, о каком именно из инцидентов она говорила, – иронично добавил Гидеон. – Скорее всего, о том, когда Габриэль поддержал отца в стремлении захватить Институт.

– Разве она имела в виду не сегодняшнее происшествие? – Софи поправила выбившийся из-под чепца локон. – С...

– С гигантским червем? Нет, как ни странно, нет. Впрочем, мой брат никогда не ожидает прощения. Ни за что. Он понимает только жесткую дисциплину. Вероятно, он считает, что Шарлотта пытается обвести его вокруг пальца или просто сошла с ума. Она выделила ему комнату, но все это, похоже, привело его в ужас. Он пришел ко мне, чтобы обсудить ситуацию, и заснул. – Гидеон вздохнул и посмотрел на брата со смесью гордости, раздражения и тоски, отчего Софи прониклась к ним сочувствием.

– Ваша сестра... – начала она.

– О, Татьяна здесь и на минуту не останется, – сказал Гидеон. – Она уехала к Блэкторнам – родителям ее мужа, и слава богу. Она не глупа – вообще-то она считает себя очень умной, – но слишком эгоистична и бесполезна, к тому же они с братом друг друга недолюбливают. Представляешь, Габриэль не спал уже несколько дней. Он сидел в этом огромном доме, ждал, когда отец выйдет из библиотеки, стучал в дверь

и не получал ответа...

– Вы пытаетесь его защитить, – заметила Софи.

– Само собой, он ведь мой младший брат.

Подойдя к кровати, Гидеон погладил Габриэля по голове. Юноша беспокойно дернулся, но не проснулся.

– Я думала, он не простит того, что вы пошли против отца, – сказала Софи. – Вы сказали, что боялись этого – боялись, что он сочтет ваши действия предательством имени Лайтвудов.

– Похоже, у него уже появились вопросы к имени Лайтвудов. Как и у меня, когда я был в Мадриде.

Гидеон отошел от кровати.

– Простите, – произнесла Софи, наклонив голову. – Мне жаль вашего отца. Что бы о нем ни говорили, что бы он ни сделал, он все-таки был вашим отцом.

– Но, Софи... – Гидеон повернулся к девушке.

Она не поправила его, хотя он и назвал ее крестным именем.

– Я знаю, он опозорил вас, – сказала она, – но вы все равно должны его оплакать. Никто не может разделить с вами печаль – она принадлежит вам и только вам.

Гидеон легонько коснулся пальцами ее щеки.

– Знаешь ли ты, что твое имя означает «мудрость»? Тебе оно очень подходит.

– Мистер Лайтвуд... – замялась Софи.

Но его пальцы уже скользнули к ее уху, и он наклонился,

чтобы поцеловать ее.

– Софи, – прошептал он, и губы их соприкоснулись.

Поцелуй стал глубже. Софи положила руки на плечи Гидеону и тут же устыдилась своих грубых, заскорузлых из-за вечной стирки и уборки пальцев, но Гидеон, похоже, вовсе не замечал этого. Она шагнула ближе к нему и оступилась, Гидеон наклонился, чтобы ее поддержать, но не успел, и они оба повалились на пол. Щеки Софи вспыхнули от смущения – боже, ведь он решит, что она специально уронила его, что она на самом деле – распутница, жадная до страсти. Чепец слетел с головы, и темные локоны упали на лицо. Софи лежала на мягком ковре, а над ней возвышался Гидеон, снова и снова повторявший ее имя. Не в силах справиться со стыдом, она повернула голову и заглянула под огромную кровать.

– Мистер Лайтвуд, – сказала она, приподнявшись на локтях, – что у вас под кроватью делают булочки?

Гидеон замер, как кролик в западне.

– Что?

– Вон там. – Софи показала на темную горку под кроватью. – Целая куча булочек. Откуда она там?

Гидеон сел и сконфуженно провел рукой по волосам, а Софи попятилась, подобрав юбки.

– Я...

– Вы просили приносить вам булочки. Едва ли не каждый день. Вы *просили* их, мистер Лайтвуд. Но зачем? Вы их даже не едите!

На щеках Гидеона выступил румянец.

– Только так я мог увидеть тебя. Ты не говорила со мной, не желала меня слушать ...

– Поэтому вы решили водить меня за нос? – Подобрал упавший чепец, Софи поднялась на ноги. – Вы хотя бы представляете, сколько у меня работы, мистер Лайтвуд? Я приношу уголь и горячую воду, вытираю пыль, полирую серебро, убираю в вашей комнате и в остальных комнатах Института... Не подумайте, что я возражаю или жалуюсь, но как вы смеете давать мне еще больше работы? Как вы смеете заставлять меня носить вам тяжелые подносы с едой, которая вам даже не нужна?

Гидеон поднялся. Одежда его пришла еще в больший беспорядок.

– Прости меня, – сказал он. – Об этом я не подумал.

– Нет, – бросила Софи, поспешно убирая волосы под чепец. – Вы вообще никогда не думаете!

С этими словами она вылетела из комнаты, оставив Гидеона беспомощно смотреть ей вслед.

– Молодец, братец, – заметил Габриэль, едва открыв глаза. Гидеон швырнул в него булочкой.

– Генри...

Шарлотта подошла к мужу, склонившемуся над самым большим деревянным столом в центре просторной подвальной лаборатории. Светильники пылали так ярко, что в под-

земелье было светло как днем. В мензурке на соседнем столе, извергая клубы сиреневого дыма, горело что-то мерзкое. Перед Генри лежал огромный лист бумаги вроде той, в которую заворачивают свой товар мясники, и он покрывал его всяческими расчетами и вычислениями, бормоча что-то себе под нос.

– Генри, милый, ты не устал? Ты здесь уже несколько часов.

Вздвогнув, Генри посмотрел на Шарлотту и поднял на лоб очки.

– Шарлотта! – Казалось, он был поражен и невероятно рад увидеть ее. Пожалуй, только Генри мог поражаться и радоваться встрече с собственной женой в своем же доме. – Ангел мой, что ты здесь делаешь? Здесь ужасно холодно. Ребенку это не на пользу.

Шарлотта рассмеялась, но не стала возражать, когда Генри подбежал к ней и обнял ее. Узнав, что жена ждет ребенка, он стал обращаться с ней, как с фарфоровой статуэткой. Поцеловав Шарлотту в макушку, он вгляделся в ее лицо.

– У тебя усталый вид. Может, ты попросишь Софи вместо ужина принести тебе в комнату мясной бульон? Я пойду...

– Генри, мы уже несколько часов назад решили не ужинать – всем принесли сэндвичи. Джем еще слишком слаб, а Лайтвуды пока не пришли в себя. И ты прекрасно знаешь, каким становится Уилл, когда Джем нездоров. И Тесс тоже. Весь дом как на иголках.

– Сэндвичи? – Казалось, Генри пропустил мимо ушей все остальные слова Шарлотты и теперь с надеждой смотрел на нее.

– Они ждут тебя наверху, Генри, – улыбнулась она, – если, конечно, ты хоть на минуту оторвешься от работы. Пожалуй, я не могу тебя винить – я заглянула в дневники Бенедикта и сама увлеклась его записями. Но все же чем именно ты занят?

– Я работаю над порталом, – воодушевленно произнес Генри. – Придумываю новое транспортное средство, которое сможет за считанные секунды перемещать Сумеречного охотника куда угодно – и откуда угодно. Мне пришло это в голову, когда я увидел кольца Мортмейна...

Шарлотта округлила глаза.

– Но кольца Мортмейна – это черная магия...

– А мое изобретение – нет. О, у меня есть еще кое-что! Подойди-ка. Это для Буфорда.

Позволив мужу взять ее за запястье, Шарлотта последовала за ним на другой конец комнаты.

– Я уже сто раз говорила, Генри, я не назову своего сына Буфордом. Ой, что это? Колыбелька?

– Не просто колыбелька! – просияв, провозгласил Генри и показал крепкую люльку, подвешенную между двумя столбиками. Шарлотта не могла не признать, что кровать очень мила. – Это колыбелька, которая качается сама по себе!

– Как это? – удивленно спросила Шарлотта.

– Смотри!

Генри гордо шагнул ближе к колыбели и нажал какую-то невидимую кнопку. Люлька начала раскачиваться из стороны в сторону.

– Как прелестно, милый! – воскликнула Шарлотта.

– Тебе нравится? – спросил Генри. – А теперь сделаем так, чтобы она качалась быстрее.

Наблюдая за колыбелькой, Шарлотта почувствовала легкую тошноту, как будто бы находилась на борту корабля.

– Хм, – произнесла она, – Генри, мне нужно с тобой кое о чем поговорить. И это важно.

– Важнее, чем колыбелька, в которой каждую ночь будет засыпать наш малыш?

– Конклав решил выпустить Джессамину, – сказала Шарлотта. – Она возвращается в Институт через два дня.

Генри удивленно взглянул на жену. Колыбелька у него за спиной теперь качалась еще быстрее – прямо как экипаж, на полной скорости несущийся вперед.

– Она возвращается сюда?

– Генри, ей больше некуда идти.

Генри хотел было ответить, но не успел он произнести хоть слово, как раздался ужасный треск. Сорвавшись с подвески, колыбель перелетела через всю комнату, ударилась о дальнюю стену и раскололась на кусочки.

Шарлотта ахнула, прикрыв рукой рот. Генри нахмурился.

– Возможно, еще потребуются доработки...

– Нет, Генри, – отрезала Шарлотта.

– Но...

– Ни за что, – добавила она тоном, не допускающим возражений.

– Хорошо, дорогая, – вздохнул Генри.

«Адские механизмы не знают жалости. Адские механизмы не знают прощения. Адским механизмам нет числа. Адские механизмы не остановить».

Тесс сидела у постели спящего Джема, и в голове ее эхом отдавались слова, начертанные на стене кабинета Бенедикта. Она не знала точно, который час, но понимала, что уже перевалило за полночь, – вот-вот должна была заняться заря, как сказала бы Бриджет. Когда она пришла, Джем только что проводил Уилла и еще не спал. Он чувствовал себя лучше и даже смог съесть пару тостов, запив их чаем, хотя и был бледнее обычного.

Чуть позже Софи зашла в комнату, чтобы убрать пустые тарелки, и улыбнулась Тесс.

– Взбейте ему подушки, – шепнула она, и Тесс последовала совету служанки, несмотря на то что Джем не нравились ее хлопоты.

Тесс плохо умела ухаживать за больными – в прошлом ей иногда приходилось заботиться о брате, когда тот выпивал лишнего, и этим ее опыт исчерпывался. Но теперь в постели был Джем, и Тесс вовсе не возражала побыть сиделкой. Она

держала жениха за руку, а тот лежал, полуприкрыв глаза, и длинные ресницы отбрасывали тени ему на щеки.

– Плохой из меня герой, – вдруг произнес Джем, не открывая глаз.

Вздвогнув, Тесс наклонилась к нему и провела ладонью по серебристым волосам юноши, не выпуская его руки. Его пальцы были холодными, пульс – слабым.

– О чем ты?

– Сегодня, – тихо сказал Джем и снова закашлялся. – Должно быть, я забрызгал кровью весь сад Лайтвудов...

– От этого он стал только прекраснее, – заметила Тесс.

– Ты говоришь, как Уилл, – улыбнулся Джем. – И меняешь тему, прямо как он.

– А что здесь удивительного? Как будто бы я разочаруюсь в тебе, стоит тебе заболеть! Ты ведь знаешь, что это не так. Сегодня ты был героем. Хотя Уилл и сказал, – добавила она, – что герои плохо кончают и он понятия не имеет, почему все так хотят ими стать.

– Что ж, – начал Джем и на мгновение сжал руку Тесс, – Уилл задает этот вопрос с позиции героя. А для нас, для всех остальных, ответ довольно прост.

– Разве?

– Само собой. Герои существуют ради нас. А не ради себя.

– Ты говоришь так, словно сам ты не герой. – Наклонившись, Тесс убрала волосы со лба Джема, и он закрыл глаза, наслаждаясь ее прикосновением. – Джем, ты когда-ни-

будь... – Она помедлила. – Ты когда-нибудь думал, как продлить себе жизнь, если лекарство так и не найдется?

Джем снова открыл глаза.

– Что ты имеешь в виду?

Тесс вспомнила, как Уилл задышался от святой воды, лежа на полу мансарды.

– Стань вампиром – и ты будешь жить вечно...

Джем резко сел среди подушек.

– Нет, Тесс. Нельзя... Нельзя даже думать об этом.

Она отвела глаза.

– Неужели тебе так неприятна мысль о том, чтобы перейти в Нижний мир?

– Тесс... – вздохнул Джем. – Я – Сумеречный охотник. Нефилим. Как и мои родители. Таковы мои корни, и я уважаю их. Я ценю тот дар, который они мне передали, ценю кровь Ангела, ценю оказанное мне доверие и данные мною клятвы. Не думаю, что из меня вышел бы хороший вампир. Вампиры презирают нас. Иногда они ради шутки обращают нефилима, но остальные глумятся над таким вампиром. В наших венах – свет и пламя Ангела, а это они ненавидят. Они будут сторониться меня, как и все нефилимы. Я больше не буду парабатаем Уилла, мне не будут рады в Институте. Нет, Тесс. Лучше уж я умру и заново появлюсь на свет, чтобы снова увидеть солнце, чем обреку себя на существование в мире теней.

– Тогда стань Безмолвным Братом, – предложила Тесс. –

В Кодексе сказано, что те руны, которые они наносят на себя, достаточно сильны, чтобы даровать им бессмертие.

– Безмолвные Братья не могут жениться, – покачал головой Джем.

Тесс прекрасно знала, что за внешней мягкостью Джема скрывалось упрямство, в котором он ничем не уступал Уиллу. И сейчас она видела его стальную решимость.

– Знаешь, я предпочла бы, чтобы ты остался жив и не женился на мне, чем... – она не смогла закончить фразу.

Взгляд Джема смягчился.

– Мне закрыт путь в Безмолвное Братство. В моей крови столько инь-феня, что я не вынесу процедуры нанесения тех рун, которые им необходимы. Мне придется отказаться от наркотика, пока он полностью не выведется у меня из организма, но это наверняка меня убьет. – Должно быть, он заметил, как изменилось лицо Тесс, и добавил уже тише: – Да и жизни Безмолвных Братьев не позавидуешь: тени и тьма, тишина и никакой музыки. – Джем перевел дух. – Кроме того, я не хочу жить вечно.

– Но я могу жить вечно, – сказала Тесс.

Ей до сих пор не удавалось осознать это. Понять, что твоя жизнь никогда не кончится, ничуть не легче, чем поверить, что ей рано или поздно наступит конец.

– Я знаю, – кивнул Джем. – И мне жаль. Мне кажется, никто не должен нести на плечах такую ношу. Знаешь, Тесс, я верю, что нам дается не одна жизнь. Я вернусь, пусть и не

в этом теле. Души, которые любят друг друга, находят друг друга в следующей жизни. Я встречу с Уиллом, с родителями, с дядюшками, с Шарлоттой и Генри...

– Но не со мной.

Тесс не в первый раз задумывалась об этом, хотя обычно старалась отбросить от себя эту мысль. «Если я бессмертна, то у меня есть только одна жизнь, вот эта. Я не изменюсь, как ты, Джеймс. Мы не увидимся ни в раю, ни на берегах великой реки – ни в одной из жизней, которые ждут тебя впереди».

– Но ты со мной сейчас. – Джем провел рукой по щеке Тесс, глядя ей прямо в глаза.

– И ты со мной, – прошептала она, и он устало улыбнулся.

Тесс положила свою руку поверх руки Джима и молча сидела так, пока юноша не заснул. Затем, грустно улыбнувшись, она мягко опустила руку Джима на одеяло.

Дверь спальни отворилась. Обернувшись, Тесс увидела на пороге Уилла, который не успел даже снять камзол и перчатки. Стоило девушке взглянуть в его суровое лицо, как она тут же поднялась и вышла в коридор.

Уилл уже торопливо шагал прочь. Аккуратно прикрыв дверь в спальню Джима, Тесс поспешила за ним.

– В чем дело, Уилл? Что случилось?

– Я только что вернулся из Ист-Энда, – сказал Уилл, и в голосе его сквозила такая боль, какой Тесс не слышала с того самого дня в гостиной, когда рассказала ему о своей помолв-

ке с Джемом. — Я искал там инь-фень. Но его больше нет.

Тесс оступилась возле самой лестницы.

— Что значит «больше нет»? Разве у Джема нет запаса?

Уилл повернулся к ней лицом и спустился на несколько ступенек.

— Порошка уже нет, — резко сказал он. — Он не хотел, чтобы ты знала, но скрыть это не получится. Порошка нет, и больше я найти не могу. Это я всегда покупал его. Я знаю места, но все продавцы либо пропали, либо исчерпали свои запасы. Сначала я пошел туда, где вы с Джемом нашли меня однажды. У них нет инь-феня.

— А в другом месте...

— Я побывал везде, — сказал Уилл и снова повернулся к девушке спиной.

Они шли по коридору на втором этаже Института, где находились библиотека и гостиная. Двери обеих комнат были открыты, и в коридор проникал желтый свет.

— Везде, — повторил Уилл. — В последнем месте мне сказали, что весь порошок выкупили за последние две недели. И больше ничего нет.

— Но как же Джем? — ужаснулась Тесс. — Без инь-феня...

— Он умрет. — Уилл помедлил на пороге библиотеки, встретившись с Тесс глазами. — Сегодня он дал мне разрешение на поиски лекарства. И теперь он умрет, потому что мне нужно время, а времени у нас больше нет.

— Нет, — сказала Тесс. — Он не умрет. Мы этого не допу-

стим.

Уилл вошел в библиотеку, и Тесс последовала за ним, оглядывая знакомую комнату. На столах горели лампы, на полках стояли старинные фолианты.

– Здесь есть книги, – продолжал Уилл, как будто бы не заметив слов Тесс, – к которым я обращался, изучая редкие яды. – Он подошел к ближайшей полке и принялся быстро перебирать толстые тома. – Много лет назад, перед тем как Джем запретил дальнейшие поиски. Я забыл...

Тесс подошла ближе, шурша юбками.

– Уилл, остановись.

– Но я должен вспомнить. – Он переходил от одного шкафа к другому, вставал на цыпочки и приседал к самым нижним полкам. – Я должен найти...

– Уилл, невозможно так быстро прочитать все книги в библиотеке. Остановись. – Тесс подошла совсем близко и заметила, что воротник его камзола влажен от дождя. – Это не поможет Джему.

– А что поможет? Что поможет?

Уилл взял с полки книгу, взглянул на нее и швырнул на пол. Тесс вздрогнула.

– Остановись, – повторила она и поймала Уилла за рукав, вынуждая юношу повернуться к ней лицом. Щеки его пылали, он дышал часто и неровно, все тело было напряжено. – Раньше, когда ты искал лекарство, ты не знал того, что знаешь сейчас. У тебя не было таких союзников. Мы обратим-

ся к Магнусу Бейну. У него повсюду глаза и уши в Нижнем мире, он знает все о магии. Он помог тебе с проклятием – поможет и сейчас.

– Проклятия не было, – монотонно произнес Уилл, словно повторяя заученную фразу.

– Уилл, послушай меня. Пожалуйста. Пойдем к Магнусу. Он может помочь.

Уилл закрыл глаза и глубоко вздохнул. Тесс украдкой взглянула на него – длинные черные ресницы, бледно-голубые тени под глазами.

– Да, – наконец сказал он. – Да, конечно. Тесс, спасибо тебе. Я об этом не подумал.

– Ты был расстроен, – произнесла она и внезапно поняла, что до сих пор держит его за руку и стоит достаточно близко, чтобы поцеловать его в щеку или нежно обнять. Тесс отступила на шаг, и Уилл открыл глаза. – И ты не знал, что Джем позволит тебе снова начать поиски лекарства. Я никогда не могла смириться с его запретом и уже думала о Магнусе.

– Но все-таки не обращалась к нему? – спросил Уилл.

– Джем этого не хотел, – покачала головой Тесс. – Но теперь... Теперь все изменилось.

– Да. – Уилл отступил, не сводя глаз с лица девушки. – Я спущусь и велю Сирилу подготовить экипаж. Встретимся во дворе.

Кому: Консулу Джошуа Вейланду

От: Совета

Многоуважаемый господин консул!

Ваше письмо чрезвычайно расстроило нас. У нас создалось впечатление, что вы полностью поддерживаете кандидатуру Шарлотты Бранвелл, учитывая, что она прекрасно проявила себя на посту руководителя лондонского Института. Инквизитор Уайтлоу высоко отзывается о ней и отмечает то, с каким достоинством она встретила вызов, брошенный ей Бенедиктом Лайтвудом.

По нашему мнению, Джордж Пенхоллоу не подходит на место консула. В отличие от миссис Бранвелл, он не зарекомендовал себя в качестве руководителя. Миссис Бранвелл действительно молода и увлечена своим делом, но позиция консула и требует подобной увлеченности. Призываем вас забыть о кандидатуре мистера Пенхоллоу, который слишком юн и неопытен для этой должности, и снова рассмотреть возможность назначения своим преемником миссис Бранвелл.

*Во имя Разиэля,
члены Совета*

Разделенное сердце

*Обыскал меня Бог со вниманьем,
В каждой жилке и до основанья,
Но большой глубины не нашел:
Весь я полон любовным желаньем.
– Элдджернон Чарльз Суинберн, «Хвала Венере»*

*Кому: Членам Совета
От: Джошуа Вейланда, консула*

Джентльмены, мне тяжело писать вам это письмо. Многие из вас не первый год знают меня, и многими я руководил, занимая должность консула. Я полагаю, что хорошо справлялся со своими обязанностями и прилагал все силы для служения Ангелу. Однако человеку свойственно ошибаться, и я считаю, что совершил ошибку, назначив Шарлотту Бранвелл главой лондонского Института.

Поставив ее на эту должность, я полагал, что она пойдет по стопам своего отца и станет прекрасным руководителем, покорным воле Конклава. Я также полагал, что ее муж будет сдерживать ее естественную женскую импульсивность и безрассудность. К сожалению, все вышло иначе. Генри Бранвеллу не хватает силы

характера, чтобы противостоять жене, поэтому она со свойственным женищинам легкомыслием забывает о покорности. Только позавчера я узнал, что Шарлотта распорядилась вернуть шпионку Джессамину Лавлейс в Институт, как только ту выпустят из Безмолвного Города, несмотря на мое настоятельное требование отправить предательницу в Идрис. Я также имею основания подозревать, что миссис Бранвелл общается с потенциальными врагами нефилимов, которые могут даже оказаться союзниками Мортмейна, например с оборотнем Вулси Скоттом.

Совет не служит консулу, но консул служит Совету. Я – символ власти Совета и Конклава. Стоит непокорности подорвать мой авторитет, как подрывается и авторитет всех нас. Лучшие назначить моим преемником исполнительного мальчика вроде моего племянника, который еще не получил возможности проявить себя, чем человека, который уже показал себя не с лучшей стороны.

Во имя Ангела,
консул Джошуа Вейланд

Уилл погрузился в воспоминания.

Несколько месяцев назад дождь барабанил в окна спальни Джема и капли ползли по стеклу, оставляя после себя прозрачные дорожки.

– И это все? – спросил Джем. – Это вся правда?

Он сидел за столом, подогнув под себя одну ногу, и казал-

ся очень юным. Когда Уилл зашел к нему в комнату и без предисловий объявил, что больше не может притворяться и должен сейчас же сделать признание, Джем играл на скрипке.

Мелодия Баха прервалась, и Джем прислонил скрипку к стулу, где она теперь и стояла. Уилл вышагивал по комнате и на ходу говорил, говорил, говорил, пока не кончились слова, а Джем все это время не сводил с него тревожного взгляда своих серебристых глаз.

– Это вся правда, – наконец сказал Уилл. – И я пойму, если теперь ты меня возненавидишь. Я не смогу винить тебя.

Последовала долгая пауза. Джем внимательно смотрел на друга, и в глазах его полыхало серебристое пламя.

– Я никогда не возненавижу тебя, Уильям.

В животе Уилла похолодело, когда он мысленно увидел перед собой другое лицо, ощутил на себе взгляд серьезных голубовато-серых глаз. «Я пыталась ненавидеть тебя, Уилл, – призналась она, – но у меня ничего не выходит». И сейчас Уилл с болью осознал, что сказал Джему не «всю правду». Было еще кое-что. Была его любовь к Тесс. Но эту ношу он должен нести сам, нельзя перекладывать ее на плечи друга. Ради счастья Джема это нужно было сохранить в тайне.

– Я заслуживаю ненависти, – дрогнувшим голосом произнес Уилл. – Я подверг тебя опасности. Я верил, что на мне лежит проклятие и что всякий, кто полюбит меня, умрет. И все же я подпустил тебя слишком близко и не противился,

когда ты стал мне как брат. Я рисковал твоей жизнью...

– Но опасности не было.

– Но я ведь верил, что она была! Джеймс, если бы я поставил револьвер к твоей голове и спустил курок, разве имело бы хоть какое-то значение то, что я не знал, что в барабанах нет патронов?

Джем округлил глаза и рассмеялся.

– Думаешь, я не знал, что у тебя есть тайна? – спросил он. – Думаешь, я стал твоим другом, не обращая внимания ни на что вокруг? Я не знал, что так тяготит тебя, но не сомневался, что у тебя на плечах тяжкая ноша. – Поднявшись на ноги, он добавил: – Я видел, что ты считаешь себя опасным для всех окружающих и полагаешь, будто нечто внутри тебя может навредить мне. Я хотел показать тебе, что это не так, что любовь не бывает такой хрупкой. Разве у меня не получилось?

Уилл беспомощно пожал плечами. Ему хотелось, чтобы Джем рассердился на него, ведь так все было бы проще. Всякий раз, сталкиваясь с безграничной добротой Джема, он чувствовал себя совершенно ничтожным. Он вспомнил Сатану Мильтона: «...и посрамленный Дьявол / Почувствовал могущество добра»⁸.

– Ты спас мне жизнь, – сказал Уилл.

На лице Джема появилась сияющая улыбка.

– О большем я и не мечтал.

⁸ Цитата из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай»; перевод А. Штейнберга.

– Уилл?

Тихий оклик вернул юношу к реальности. Тесс, сидевшая напротив Уилла в экипаже, смотрела на него глазами цвета дождя.

– О чем ты задумался? – спросила она.

Уилл не без труда вырвался из оков воспоминаний и посмотрел на Тесс. На ней не было шляпки, а капюшон парчового плаща упал ей на спину. Уилл в очередной раз удивился, как выразительно бледное лицо девушки: каждая улыбка, каждый горький взгляд Тесс разрывали его сердце, как молния раскалывает толстый ствол дерева. Сейчас Тесс участливо смотрела на него, и Уилл не мог ее обмануть.

– О Джеме, – честно ответил он. – Я вспоминал, как он повел себя, когда я рассказал ему о проклятии Марбаса.

– Он проникся к тебе сочувствием, – мгновенно подхватила Тесс. – Он рассказал мне об этом.

– Сочувствием, но не жалостью, – сказал Уилл. – Джем всегда поддерживает меня как нельзя лучше, хотя я и сам порой не понимаю, какая поддержка мне нужна. Все парабатаи верны друг другу. Иначе нельзя. Мы делимся силой друг с другом и так становимся еще сильнее. Но с Джемом все иначе. Я много лет мечтал, чтобы он продолжал жить, но на самом деле это он поддерживал жизнь во мне. Я думал, он и сам не понимает этого, но, возможно, я ошибался.

– Может быть, – кивнула Тесс. – Он никогда не считал,

что все это впустую.

– Он никогда тебе об этом не рассказывал?

Тесс покачала головой. Ее маленькие руки сжались в кулаки у нее на коленях.

– Он всегда с гордостью говорит о тебе, Уилл, – сказала она. – Ты даже не представляешь, как он тобой восхищается. Узнав о проклятии, он ужасно волновался за тебя, но в то же время казалось, будто он нашел некое...

– Доказательство?

Тесс кивнула.

– Он всегда верил, что ты хороший человек. И так он получил этому подтверждение.

– Ах, не знаю, – горько произнес Уилл. – Быть хорошим человеком и жить под тенью проклятия – разные вещи.

Подавшись вперед, Тесс взяла Уилла за руку. От этого прикосновения все тело Уилла вспыхнуло огнем, хотя Тесс и не сняла перчаток. *«Каким мощным пламенем зажгли вы меня – меня, кучу негодного непа...»*⁹ Когда-то Уилл не мог понять, почему любовь всегда сравнивали с огнем, но теперь жар, растекавшийся по его венам, все ему объяснил.

– Ты хороший человек, Уилл, – сказала Тесс. – И никто не знает этого так, как я.

– Знаешь, – медленно произнес он, не желая, чтобы она отнимала руки, – когда нам было по пятнадцать, демон Янь-

⁹ Цитата из «Повести о двух городах» Ч. Диккенса, перевод М. Богословской и С. Боброва.

лю, который убил родителей Джема, был наконец-то повержен. Дядя Джема решил переехать из Китая в Идрис и предложил Джему жить с ним. Джем отказался ради меня. Он сказал, что нельзя покидать своего парабатая. Что это входит в клятву. «Народ твой будет моим народом». А если бы у меня была возможность вернуться домой, я бы остался ради него? Не знаю.

– Ты поступаешь точно так же, как он, – заметила Тесс. – Думаешь, я не знаю, что Сесили хочет, чтобы ты вернулся домой вместе с ней? Думаешь, я не понимаю, что ты остаешься здесь ради Джема?

– И ради тебя, – не сдержался Уилл.

Тесс отняла руки, и Уилл принялся молчаливо проклинать себя. «Как можно быть таким глупцом? – думал он. – Прошло уже два месяца, и ты был так осторожен. Твоя любовь к ней – тяжкая ноша, которую она несет из вежливости. Не забывай об этом».

Но Тесс просто откинула занавеску, почувствовав, что экипаж остановился. Они въехали в конюшни, над входом в которые висел знак, велящий извозчикам вести своих лошадей под уздцы.

– Мы на месте, – сказала Тесс, как будто не заметив признания Уилла.

А может, никакого признания и не было. Может, Уилл и не произнес ничего вслух. Может, он просто сходил с ума. В сложившихся обстоятельствах это не казалось таким уж

невероятным.

Дверца экипажа распахнулась, и внутрь ворвался прохладный воздух Челси. Тесс протянула руку, и Сирил помог ей спуститься. Уилл последовал за ней. Пахло Темзой. До постройки набережной река подходила гораздо ближе к здешним домам, фасады которых сейчас освещались неровным светом газовых фонарей. Теперь до воды стало подальше, но пахло все равно неприятно.

Дом номер шестнадцать был выстроен в георгианском стиле. Стены были сложены из красного кирпича, а над парадной дверью выступал изящный эркер. За красивой кованой решеткой виднелись небольшой мощеный дворик и сад. Калитка уже была открыта. Тесс решительно вошла в нее и поднялась по ступенькам к двери. Уилл ни на шаг не отставал от нее.

Дверь отворил Вулси Скотт. Поверх рубашки и брюк его был накинут желтый шелковый халат. На одном глазу оборотня поблескивал монокль, сквозь который он уставился на своих посетителей.

– Вот это да! – воскликнул он. – Я собирался послать к двери лакея, чтобы он прогнал незваных гостей, но я не ожидал, что это будете вы.

– А кого вы ожидали? – поинтересовалась Тесс.

Уилл подумал, что этот вопрос никак не относится к делу, но такой уж была Тесс – она всегда задавала вопросы. Казалось, если оставить ее одну в комнате, она принялась бы рас-

спрашивать о чем-нибудь мебель или стоящие на подоконниках цветы.

– Торговца абсентом.

– Хлебнешь этой гадости – и вообще никого ожидать не будешь, – заметил Уилл. – Мы ищем Магнуса Бейна. Если его здесь нет, просто скажи нам – и мы больше не будем тебе мешать.

Вулси вздохнул, как будто бы потерпев поражение.

– Магнус! – крикнул он. – Здесь твой синеглазый парнишка.

В коридоре за спиной Вулси слышались шаги, и на пороге появился Магнус. Он был одет в безупречный вечерний костюм: белоснежная накрахмаленная манишка, изящные запонки, черный фрак, блестящие черные волосы – казалось, что он только что вернулся с бала. Он перевел взгляд с Уилла на Тесс.

– И чем я обязан столь позднему визиту?

– Нам нужна услуга, – сказал Уилл и тут же поправился: – Мы хотим задать тебе один вопрос.

Вулси вздохнул и пропустил гостей внутрь.

– Что ж, проходите в гостиную.

Никто не предложил им раздеться, поэтому в гостиной Тесс просто стянула перчатки и поднесла окоченевшие руки к огню, слегка подрагивая от холода. Блестящие волосы девушки рассыпались тяжелыми локонами по ее шее, и Уилл поспешно отвел глаза, чтобы не вспоминать о том, каково

было гладить эти локоны и чувствовать их под пальцами. В Институте, когда рядом был Джем и все остальные, легко было не забывать о том, что Тесс принадлежит не ему, но здесь, когда она стояла так близко, когда казалось, что она заботится только о нем, а не о здоровье собственного жениха, это стало практически невозможно.

Вулси опустил в кресло, снял монокль и принялся раскручивать его на длинной золотой цепочке.

– Мне не терпится услышать, что стряслось.

Магнус подошел к камину и небрежно прислонился спиной к каминной полке, приняв непринужденную позу истинного джентльмена. На картинах, украшавших бледно-голубые стены комнаты, сверкало синее море, а мужчины и женщины в античных одеяниях прогуливались по гранитным мостовым. Уиллу показалось, что он узнал репродукцию Альма-Тадемы¹⁰ – ведь не могло же это полотно быть оригиналом?

– Оторвись от стен, Уилл, – сказал Магнус. – Тебя не было несколько месяцев. Что привело тебя сегодня?

– Мне не хотелось тебя беспокоить... – пробормотал Уилл.

Это было правдой лишь отчасти. Как только Магнус доказал, что Уилл, вопреки собственному убеждению, не был проклят, юноша стал избегать его – не потому, что он рассер-

¹⁰ Лоуренс Альма-Тадема (1836–1912) – британский художник викторианской эпохи, преимущественно писавший картины на исторические сюжеты.

дился на чародея или больше не нуждался в нем, а потому, что один вид Магнуса отзывался в нем болью. Уилл написал ему краткое письмо, поведав, что произошло, и объяснив, что его тайна раскрылась. Он сообщил о помолвке Джема и Тесс и попросил Магнуса не отвечать.

– ...но теперь ситуация безвыходная, – добавил Уилл.

Кошачьи глаза Магнуса округлились.

– И в чем же дело?

– В инь-фене.

– Прекрасно, – буркнул Вулси. – Уж не хочешь ли ты сказать, что моя свора опять его принимает?

– Нет, – покачал головой Уилл. – Принимать больше нечего.

Магнус, казалось, заинтересовался, и Уилл постарался как можно понятнее объяснить ситуацию. Пока юноша говорил, ни один мускул не дрогнул на лице чародея – Магнус лишь внимательно смотрел на Уилла своими золотисто-зелеными глазами.

– А без инь-феня? – наконец спросил он.

– Он умрет, – ответила Тесс, отвернувшись от камина. На щеках ее то ли от жаркого огня, то ли от беспокойства пылал яркий румянец. – Не сразу, конечно, но он не протянет и недели. Его организм не может существовать без порошка.

– Как он его принимает? – поинтересовался Вулси.

– Растворяет в воде или вдыхает... Но какая разница? – огрызнулся Уилл.

– А никакой, – протянул Вулси. – Простое любопытство. Удивительная штука – эти демонические наркотики.

– Джем – наш друг, так что нам этот наркотик не кажется таким уж удивительным, – сказала Тесс, вздернув подбородок.

Уилл вспомнил, как однажды сравнил ее с Боудиккой¹¹. Тесс была невероятно смелой, и Уилл восхищался этим, даже когда она вставала на защиту своей любви к другому человеку.

– Почему вы пришли ко мне? – тихо спросил Магнус.

– Вы уже помогали нам, – объяснила Тесс. – И мы подумали, что вы сможете помочь еще раз. Вы помогли с де Куинси... и помогли с проклятием Уилла...

– Я вам не слуга, – произнес Магнус. – Я помог с де Куинси, потому что меня попросила Камилла, а Уиллу я помог, потому что он оказал мне ответную услугу. Я – чародей. Я не служу Сумеречным охотникам, не требуя ничего взамен.

– Я не Сумеречный охотник, – заметила Тесс.

Повисло молчание.

Наконец Магнус отвернулся от огня и произнес:

– Хм-м... Насколько я знаю, Тесс, вас можно поздравить?

– Меня?..

– Теперь вы помолвлены с Джеймсом Карстерсом.

– Ах да... – Тесс вспыхнула и прикоснулась к подаренно-

¹¹ Предводительница бриттов, возглавившая антиримское восстание в 61 году нашей эры.

му Джемом кулону, который когда-то принадлежал его матери. – Спасибо.

Уилл почти физически ощущал, как по всем ним – по нему самому, по Тесс и по Магнусу – скользит взгляд Вулси Скотта и как Вулси по очереди изучает каждого из них и наслаждается процессом.

От этого Уиллу стало не по себе.

– Я с радостью предложу что-нибудь взамен, – сказал он. – На твой выбор. Я могу снова оказать тебе услугу в обмен на инь-фень. Я могу и заплатить... Могу попытаться...

– Может, я и помогал вам раньше, – начал Магнус, – но это... – Он вздохнул. – Только подумайте. Если кто-то скупает весь инь-фень в стране, значит, на то есть причины. А у кого могут быть причины?

– У Мортмейна, – прошептала Тесс, опередив Уилла.

У Уилла в голове зазвучал собственный голос: «Приспешники Мортмейна скупают инь-фень в Ист-Энде. Я видел сам. Если у тебя кончится наркотик, а все запасы он сосредоточит у себя в руках...» Джем тогда ответил: «Мы окажемся в его власти. Если, конечно, ты не позволишь мне умереть, что будет разумнее всего».

Но инь-феня было достаточно, чтобы продержаться еще год, и Уилл полагал, что они вне опасности. Он считал, что Мортмейн найдет другой способ мучить их, обнаружив, что его план не работает. Уилл не мог и предположить, что годовой запас наркотика иссякнет всего за восемь недель.

– Значит, ты не хочешь нам помогать, – произнес Уилл. – Не хочешь идти против Мортмейна.

– Разве можно его винить? – Вулси поднялся на ноги, взмахнув лапами желтого шелкового халата. – Разве вы можете предложить что-то такое, ради чего ему захочется рискнуть?

– Я готова предложить что угодно, – тихо сказала Тесс, и Уилл содрогнулся, услышав, насколько печален был ее голос. – Что угодно... Если только вы поможете нам спасти Джема.

Магнус провел ладонью по волосам.

– А настаивать вы умеете, – заметил он. – Я могу навести справки, отследить необычные каналы распространения... Старуха Молли...

– К ней я уже ходил, – сказал Уилл. – Кто-то так ее напугал, что она из своей норы и носа не кажет.

– И что, юный Сумеречный охотник, тебе это ни о чем не сказало? – фыркнул Вулси. – Разве эта игра стоит свеч? Твой друг проживет еще несколько месяцев, может, еще год... Но он все равно умрет. А чем скорее он умрет, тем скорее ты сможешь заполучить его невесту, в которую ты влюблен. – Он торжествующе взглянул на Тесс. – Да ты должен с нетерпением ждать его смерти!

Уилл не понял, что случилось после этих слов: все вдруг стало белым, и монокль Вулси полетел на пол. Уилл больно стукнулся обо что-то головой – а в следующую секунду уже

повалил оборотня, который принялся отбиваться от него, изрыгая жуткую брань. Противники покатались по полу. Внезапно запястье Уилла пронзила резкая боль – Вулси оцарапал его своим когтем. От боли сознание юноши прояснилось, и он вдруг понял, что лежит ничком, а Вулси готов в любую секунду вонзить в него острые, как кинжалы, клыки.

– Остановитесь! – воскликнула Тесс, схватив кочергу.

Уилл тщетно пытался оттолкнуть Вулси, но вот оборотень взвыл – Магнус отбросил его в сторону. Затем Магнус схватил Уилла за воротник и потащил прочь из комнаты. Вулси смотрел им вслед, прижимая руку к щеке в том месте, где серебряное кольцо Уилла обожгло его кожу.

– Пусти. Пусти меня! – сопротивлялся Уилл, но Магнус держал его крепко. Миновав коридор, он втолкнул юношу в полутемную библиотеку – и только там отпустил. Уилл неуклюже налетел на спинку обитого красным бархатом дивана. – Я не могу оставить Тесс наедине с Вулси!

– Сомневаюсь, что он сможет хоть чем-нибудь ей навредить, – сухо заметил Магнус. – В отличие от тебя, Вулси умеет держать себя в руках.

Уилл медленно повернулся, вытирая кровь с лица.

– Что смотришь? – спросил он. – Ты прямо как кот, который готовится к прыжку.

– Вступить в схватку с вожаком оборотней... – протянул Магнус. – Да ты хоть представляешь, что сделали бы с тобой его собратья? Им ведь только дай повод! Тебе что, жить на-

доело?

– Нет, – покачал головой Уилл, сам удивившись своему ответу.

– И зачем я только помог тебе?

– Должно быть, тебе нравятся пропащие люди.

Магнус двумя шагами пересек комнату и взял Уилла за подбородок своими длинными пальцами, заставив юношу посмотреть вверх.

– Ты ведь не Сидни Картон, – сказал он. – Зачем тебе умирать ради Джеймса Карстера, если он все равно обречен?

– Если я спасу его, все это того стоит...

– Боже! – воскликнул Магнус. – Что того стоит? Что вообще может этого стоить?

– Все, что я потерял! – прокричал Уилл. – *Тесс!*

Магнус отступил на пару шагов и несколько раз вздохнул, словно мысленно считая до десяти.

– Я прошу прощения, – наконец произнес он, – за слова Вулси.

– Если Джем умрет, я не смогу быть с Тесс, – сказал Уилл. – Ведь тогда будет казаться, что я ждал его смерти или даже обрадовался ей. Я не могу так поступить. Я не могу искать выгоды в его смерти. Поэтому он должен жить. – Окровавленная рука Уилла безвольно повисла вдоль тела. – Только так все это будет иметь смысл. Иначе все...

– Бессмысленно? Иначе все это просто никому не нужные страдания и боль? Вряд ли тебе станет легче, если я ска-

жу, что такова жизнь. Добро страдает, зло процветает, а все смертное обречено умирать.

– Но я хочу большего, – возразил Уилл. – Ты заставил меня хотеть большего. Ты показал мне, что я был проклят только потому, что сам решил поверить в проклятие. Ты сказал мне, что смысл есть. А теперь ты отказываешься от своих слов!

Магнус рассмеялся.

– Ты неисправим.

– Это мне уже говорили. – Поморщившись, Уилл отошел от софы. – Так ты поможешь мне?

– Помогу. – Магнус вытащил из кармана красноватый камушек на длинной цепочке, который светился мягким светом. – Вот, возьми.

Он вложил его в руку Уилла, и тот недоуменно посмотрел на чародея.

– Это кулон Камиллы.

– Я подарил его ей, – объяснил Магнус, горько усмехнувшись. – Месяц назад она вернула все мои подарки. Можешь взять его. Он предупреждает о приближении демонов. Может, сработает и с механическими тварями Мортмейна.

– Истинная любовь не умирает, – перевел Уилл надпись на задней грани кулона. – Я не могу носить его, Магнус. Для мужчины он слишком изящен.

– Как и ты. Иди домой, приведи себя в порядок. Я свяжусь с тобой, как только что-нибудь выясню. – Он присталь-

но посмотрел на Уилла. – И постарайся, чтобы я не пожалел о своем решении помочь.

– Подойдете ко мне – и я ударю вас кочергой по голове, – сказала Тесс, выставив кочергу перед собой на манер меча.

– Не сомневаюсь, – ответил Вулси.

Он смерил Тесс взглядом и вытащил из кармана платок с монограммой, которым вытер кровь с подбородка. Уилл тоже был в крови и сейчас, без сомнения, пачкал этой кровью какую-то другую комнату, куда отвел его Магнус.

– Я смотрю, ты начинаешь походить на своих любимых Сумеречных охотников, – протянул Вулси. – Что заставило тебя обручиться с одним из них? Да еще и с умирающим...

Тесс захлестнула волна гнева, и ей захотелось ударить Вулси, даже если он не приблизится к ней ни на дюйм. Но вспомнив, как он быстро двигался, сражаясь с Уиллом, Тесс поняла, что у нее нет шансов.

– Вы не знаете Джеймса Карстерса. Не говорите о нем так.

– Любишь его, да? – прошипел Вулси. – Но ты и Уилла любишь.

Тесс похолодела. Она знала, что Магнусу было известно о чувстве Уилла, но не подозревала, что и ее ответное чувство было столь очевидным.

– Это неправда, – сказала она.

– Лгунья, – бросил Вулси. – Какая тебе разница, если один из них умрет? У тебя ведь все равно останется запасной ва-

риант.

Тесс подумала о Джеме и вспомнила, как прекрасны его черты, как серьезны его глаза, когда он играет на скрипке, как изящен изгиб его губ, как легки прикосновения его пальцев – и как дорого ей все, что связано с ним.

– Представьте, что у вас двое детей, – начала она, – и один из них умирает. Разве вы не будете переживать? Разве будете думать, что все в порядке, потому что у вас есть второй ребенок?

– Можно любить двух детей всем сердцем. Но отдать сердце можно лишь одному человеку, – заметил Булей. – Такова природа Эроса. Сам я с этим не сталкивался, но так пишут в романах.

– О, романы – ненадежный источник.

– Почему же?

– Они лгут.

Вулси приподнял одну бровь.

– А ты забавная, – сказал он. – Кажется, я даже начал понимать, что в тебе нашли эти мальчишки, но... – Он пожал плечами. По желтому халату скатилась капля крови. – Женщин я никогда не понимал.

– И что же в них такого загадочного?

– Я никак не могу взять в толк, зачем они нужны.

– Разве у вас не было матери? – удивилась Тесс.

– Да, какая-то женщина произвела меня на свет, – без особого энтузиазма признал Вулси. – Но я плохо помню ее.

– И все же, если бы не женщина, вас не было бы вовсе! Какими бы бесполезными мы вам ни казались, мы умнее, решительнее и терпеливее мужчин. Может, мужчины и сильнее нас, но женщины могут вынести что угодно.

– Этим ты и занимаешься? Пытаешься вынести свою жизнь? Ты как будто и не рада помолвке. – Вулси скользнул по Тесс глазами. – Говорят, если сердце разделится само в себе, не может устоять такое сердце. Ты любишь их обоих, и это убивает тебя.

– Дом, – сказала Тесс.

– Что? – удивился Вулси.

– Если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот¹². Не сердце. Может, не стоит использовать неточные цитаты?

– А может, хватит жалеть себя? – огрызнулся Вулси. – Большинству людей с трудом удастся обрести одну великую любовь в своей жизни. А у тебя их две.

– Но вы и вовсе не любили ни разу!

– Ой! – Вулси отпрянул в притворном ужасе, прижав руки к груди. – А голубка кусается! Ладно, раз не хочешь говорить о личном, может, перейдем на более общие темы? Давай обсудим твою природу? Магнус полагает, что ты – чародейка, но я в этом не уверен. Мне кажется, в тебе есть кровь фейри, ведь что твое искусство принимать любую форму, как не магия иллюзий? А кто владеет ею в совершенстве? Фейри.

¹² Цитата из Евангелия от Марка (3:23).

Тесс вспомнила, как синеволодая фея на вечере Бенедикта утверждала, что была знакома с ее матерью, но ответить Вулси не успела: в дверь вошли Магнус и Уилл – и хмурый Уилл, как и ожидалось, по-прежнему был весь в крови. Он перевел взгляд с Тесс на Вулси и слегка усмехнулся.

– Похоже, ты был прав, Магнус, – признал он. – Он не представляет опасности для Тесс. А вот она, похоже, может его покалечить.

– Тесс, дорогая, дайте сюда кочергу, – сказал Магнус, протянув руку к оружию девушки. – Вулси не так уж сложно усмирить.

Еще раз глянув на оборотня, Тесс протянула кочергу Магнусу. Она снова натянула перчатки, а Уилл набросил на плечи камзол. Вулси рассмеялся, но Тесс едва заметила это: все ее внимание было приковано к Уиллу. Выражение его лица красноречиво свидетельствовало о том, что личный разговор с Магнусом не решил проблему Джема. Уилл казался отстраненным, а брызги крови у него на скулах только сильнее подчеркивали синеву его глаз.

Магнус проводил их до двери, и холодный воздух волной нахлынул на Тесс. Поежившись, она кивнула Магнусу, и тот захлопнул дверь, оставляя их с Уиллом на пороге.

Впереди, за деревьями, дорогой и набережной, спокойно несла свои воды Темза, и газовые фонари, освещавшие мост Баттерси, отражались в них великолепной симфонией голубовато-золотых огней. Возле калитки виднелись очертания

экипажа. В небесах то появлялась, то пряталась за серыми облаками луна.

– Тесс, – очень тихо произнес Уилл, и голос его показался девушке немного странным.

Она быстро подошла ближе к юноше и заглянула ему в лицо. Обычно такое изменчивое, такое выразительное, сейчас оно было пугающе спокойным.

– Магнус согласился помочь? – спросила Тесс.

– Он обещал попытаться. Но он так посмотрел на меня при этом... Он жалел меня, Тесс. А это означает, что надежды нет. Раз даже Магнус полагает, что мы обречены, вряд ли я могу сделать еще что-то, правда?

Тесс положила руку на плечо Уиллу. Он не шевельнулся. Они так давно избегали друг друга, так давно не разговаривали, так давно не смотрели друг другу в глаза, что теперь Тесс было странно снова стоять рядом с Уиллом, снова прикасаться к нему, чувствовать знакомый запах мыла, дождя, крови и самого Уилла...

– Ты сделал все возможное, – прошептала она. – Магнус постарается помочь. Он продолжит поиски – может, что-нибудь и выплывет. Нельзя терять надежду.

– Я знаю. Знаю. И все равно мне так страшно, как будто настал последний час моей жизни. Я и раньше чувствовал себя беспомощным, Тесс, но никогда еще мне не было так страшно. И все же я знал – я всегда знал...

«Что Джем умрет». Тесс не произнесла этого вслух, но в

том и не было необходимости.

– Кто я? – прошептал Уилл. – Я годами притворялся кем-то другим, а потом наконец получил возможность вернуться к своей истинной сущности... только чтобы выяснить, что этой истинной сущности больше нет. Я был обычным ребенком, затем стал неважным человеком, но теперь я больше не могу быть ни тем ни другим. Я не знаю, кто я, а без Джема никто не сможет мне об этом рассказать.

– Я знаю, кто ты. Ты – Уилл Эрондейл, – просто сказала Тесс.

Вдруг Уилл порывисто обнял ее и положил голову ей на плечо. Сначала Тесс удивленно замерла, но в следующую секунду уже обняла его в ответ. Уилл вздрагивал всем телом, но не плакал, а словно никак не мог вдохнуть. Тесс понимала, что не стоит прикасаться к Уиллу, но не могла и представить, чтобы Джем позволил ей оттолкнуть друга в такой печальный момент. Она не могла стать для него Джемом, не могла стать его компасом, который никогда бы не позволил Уиллу сбиться с пути. Но она могла хоть немного облегчить его ношу.

– Хочешь, я отдам тебе эту жуткую табакерку? – предложил Вулси. – Кто-то подарил ее мне, но я не могу к ней прикоснуться – она из серебра.

Магнус стоял у окна гостиной и, слегка отодвинув штору, смотрел на Уилла и Тесс, которые обнимали друг друга так,

словно от этого зависела их жизнь. В ответ он лишь что-то неразборчиво промычал.

Вулси закатил глаза.

– Они все еще там?

– Да.

– Какая сложная штука – любовь, – пробормотал Вулси. – Уж лучше следовать нашему примеру. Только плотское наслаждение.

– Точно. – Уилл и Тесс наконец-то отстранились друг от друга, хотя и не разомкнули рук. Казалось, Уилл опирался на девушку. – А если бы у тебя не было племянников, к которым может перейти титул, ты бы женился?

– Полагаю, у меня не было бы выбора. Но Господь радуется за Англию и «Претор Люпус», – расхохотался Вулси.

Налив себе бокал красного вина из стоявшего на столе графина, он повертел его в руке, задумчиво смотря в водоворот темной жидкости.

– Ты отдал Уиллу кулон Каммилы, – заметил он.

– Откуда ты узнал? – рассеянно спросил Магнус, по-прежнему наблюдая за Уиллом и Тесс, которые уже направлялись к экипажу. Хотя Уилл был значительно выше Тесс, почему-то казалось, что это она ведет его под руку, а не он ее.

– Он был на тебе, когда ты вышел из комнаты, но исчез, когда ты вернулся. Наверное, ты не сказал ему, сколько он стоит? Теперь у него на шее болтается безделушка, которая дороже, чем весь его Институт.

– Мне она все равно не нужна, – сказал Магнус.

– Печальное напоминание об ушедшей любви?

– Бесплезное украшение. – Уилл и Тесс сели в экипаж, и извозчик натянул вожжи. – Думаешь, у него есть шанс?

– У кого?

– У Уилла Эрондейла. Шанс стать счастливым.

Вулси шумно вздохнул и поставил бокал.

– А есть ли у тебя шанс стать счастливым, пока несчастен он?

Магнус ничего не ответил.

– Ты влюблен в него? – спросил Вулси, но в голосе его не слышалось ни нотки ревности. Магнус не понимал, как можно жить с таким сердцем, как у этого оборотня, – или, скорее, без сердца вовсе.

– Нет, – покачал головой он. – Я тоже задавался этим вопросом, но нет. Мне кажется, я ему должен. Говорят, если спас жизнь, ты навеки за нее в ответе. Я чувствую себя в ответе за этого мальчика. Если он так и не обретет счастья, я сочту, что подвел его. Если ему не достанется та девушка, в которую он влюблен, я сочту, что подвел его. Если я не смогу сохранить жизнь его парабатаю, я тоже сочту, что подвел его.

– Тогда ты точно его подведешь, – подытожил Вулси. – А пока ты страдаешь и ищешь инь-фень, я, пожалуй, поеду в деревню. Зимой город давит на меня.

– Как пожелаешь.

Экипаж Уилла и Тесс скрылся за поворотом, и Магнус

опустил штору.

*Кому: Консулу Джошуа Вейланду
От: Инквизитора Виктора Уайтлоу*

*Джошуа,
меня очень озадачило твое письмо Совету о
Шарлотте Бранвелл. Мы давно знаем друг друга, и я
подумал, что ты сможешь рассказать мне больше, чем
поведал им. Из-за чего ты так сомневаешься в ней? Мы
оба дружили с ее отцом, и я не слышал, чтобы она хоть
раз поступила непорядочно.
Искренне твой,
Виктор Уайтлоу*

Пусть тьма...

*Пускай Любовь уймет Печаль,
Пусть тьма хранит ночную статью:
Ах, лучшие пьяным быть от ран,
Со смертью вместе танцевать.
– Альфред Теннисон, «Памяти А. Г. Х.»*

[ЗАЧЕРКНУТО]

Кому: Инквизитору Виктору Уайтлоу

От: Консула Джошуа Вейланда

Мы не первый год знаем друг друга, Виктор, и теперь я пишу тебе это письмо, не в силах сдержать волнения. Я чувствую себя пророчицей Кассандрой, которая была обречена знать правду и понимать, что никто ей не верит. Возможно, виной всему моя гордыня, но это я поставил Шарлотту Бранвелл на ее нынешнюю должность, и теперь она не дает мне покоя.

Она постоянно подрывает мою репутацию, и я боюсь, что это серьезно скажется на Конклаве. То, что должно было стать катастрофой, – разоблачение предателей, притаившихся у нее под крышей, причастность мисс Лавлейс к планам Магистра, – обернулось триумфом Шарлотты. Конклав решил, что именно обитатели Института

разоблачили Магистра и выдворили его из Лондона. В последние несколько месяцев его было не видно и не слышно, и это считают заслугой Шарлотты, а не свидетельством того, что он просто готовится к новому удару, совершив тактическое отступление. Хотя это я занимаю должность консула и возглавляю Конклав, мне кажется, что на первом плане всегда оказывается Шарлотта Бранвелл и что все мои достижения обратятся в прах...

*Кому: Инквизитору Виктору Уайтлоу
От: Консула Джошуа Вейланда*

*Виктор,
хотя я весьма польщен твоей обеспокоенностью, мне нечего добавить к своей характеристике Шарлотты Бранвелл, представленной в письме Совету.*

*Да пошлет Ангел тебе силу в эти нелегкие времена.
Джошуа Вейланд*

За завтраком было тихо. Хмурые Гидеон и Габриэль спустились вместе, и Габриэль не проронил ни слова, не считая просьбы передать ему масло, обращенной к Генри. Сесили устроилась у дальнего конца стола и читала книгу, но Тесс, сгоравшая от любопытства, так и не смогла разглядеть ее название. У сидевшего напротив Тесс Уилла под глазами залегли глубокие тени – напоминание о богатой событиями

ночи. Сама Тесс вяло ковыряла вилкой лежащее на тарелке жаркое. Никто не разговаривал, пока дверь не отворилась и в столовую не вошел Джем.

Тесс радостно взглянула на него, не в силах скрыть удивления. Он был усталым и бледным, но не выглядел больным. С обычной грацией он занял место рядом с невестой.

– Доброе утро.

– Ты выглядишь гораздо лучше, Джемми, – улыбнувшись, заметила Шарлотта.

«Джемми?» Тесс изумленно посмотрела на Джема, но тот лишь пожал плечами и обезоруживающе улыбнулся ей.

На мгновение встретившись взглядом с Уиллом, Тесс задала ему немой вопрос – может, ему каким-то чудом удалось раздобыть инь-фень уже после того, как они вернулись в Институт накануне? Но нет, юноша выглядел столь же удивленным, как и она сама.

– Мне и правда лучше, – сказал Джем. – Безмолвные Братья хорошо позаботились обо мне.

Он потянулся к чайнику, и Тесс с тревогой заметила, как напряглись сухожилия на его тонком запястье. Как только Джем поставил чайник на место, рука девушки скользнула под стол к руке ее жениха, и тот крепко сжал ее.

Из кухни доносился голос Бриджет:

Как холодно, любовь моя,
Какой ужасный дождь,

Всего лишь раз влюбилась я —
Его убили в ночь.
Я докажу, любовь моя,
Что девы нет верней,
И по нему проплачу я
Весь год и один день.

— Боже, она умеет навести тоску, — воскликнул Генри, бросив газету прямо поверх своей тарелки, на которой еще лежали остатки яичницы. Шарлотта хотела было возразить мужу, но сдержалась. — Всюду у нее разбитые сердца, смерть и неразделенная любовь.

— Но об этом и поется почти во всех песнях, — заметил Уилл. — Взаимная любовь прекрасна, но баллады о ней не сложишь.

Джем поднял глаза, но не успел ничего ответить, потому что в этот миг по зданию Института прокатился рокот — кто-то звонил в дверь. Все как по команде обернулись и посмотрели на Шарлотту.

Ее, казалось, застали врасплох.

— О боже! — воскликнула она. — Я совсем забыла вам сказать...

— Мэм? — В столовую вошла Софи, державшая в одной руке поднос. Тесс не могла не заметить, что глаза Гидеона тотчас скользнули к ней, но девушка, слегка покраснев, как будто специально постаралась не встретиться с ним взглядом. — Внизу вас ожидает консул Вейланд.

Шарлотта взяла с подноса визитную карточку, взглянула на нее и со вздохом сказала:

– Что ж, хорошо. Пригласи его подняться наверх.

Софи тотчас исчезла.

– Шарлотта? – озадаченно произнес Генри. – Что происходит?

– Присоединяюсь к вопросу. – Уилл отложил приборы. – Консул прерывает наш завтрак? Что же будет дальше? Инквизитор заглянет к нам на чай? Безмолвные Братья организуют пикник?

– И мы отправимся в парк есть пирожки с уткой, – едва слышно шепнул Джем, и они с Уиллом широко улыбнулись друг другу.

В следующую секунду дверь отворилась, и в столовую вошел консул.

Консул Вейланд был высоким широкоплечим мужчиной с сильными руками, и консульская мантия плохо сидела на его могучей фигуре. Сейчас выражение его лица – со светлой, как у викинга, бородой – не предвещало ничего хорошего.

– Шарлотта, – без предисловий начал он, – я пришел, чтобы поговорить о Бенедикте Лайтвуде.

Все зашевелились. Габриэль вцепился пальцами в край скатерти, а Гидеон положил руку на запястье брата, чтобы успокоить его, но консул уже повернулся к ним.

– Габриэль, – сказал он, – я полагал, вы отправитесь к Блэкторнам вместе с сестрой.

– Они опечалены гибелью Руперта, – напрягшись, ответил Габриэль. – Я не хотел им мешать.

– Но разве вы не оплакиваете отца? – удивился консул. – Говорят, поделишь горе – и станет легче.

– Консул... – начал Гидеон, обеспокоенно взглянув на брата.

– Впрочем, возможно, вам неловко находиться в обществе сестры, ведь она обвинила вас в убийстве.

Габриэль ахнул. Гидеон отбросил салфетку и вскочил на ноги.

– *Что* сделала Татьяна? – взорвался он.

– Вы меня слышали, – ответил консул.

– Это не было убийством, – заметил Джем.

– Как скажете, – парировал консул. – Мне сообщили, что это убийство.

– А вам сообщили, что Бенедикт превратился в гигантского червя? – поинтересовался Уилл, и Габриэль удивленно посмотрел на него, словно никак не ожидал, что Уилл встанет на его защиту.

– Уилл, не стоит, – покачала головой Шарлотта. – Консул, вчера я довела до вашего сведения, что Бенедикт Лайтвуд был на последней стадии астриолы...

– Вы сказали мне, что состоялась битва и что он был убит, – перебил ее консул. – Но я узнал, что он был болен сифилисом и в результате его выследили и убили, не встретив сопротивления.

Глаза Уилла вспыхнули, и он уже собрался что-то сказать, но Джем закрыл ладонью рот друга.

– Я не понимаю, – произнес он, не обращая внимания на протест Уилла, – как вы можете знать, что Бенедикт Лайтвуд мертв, и при этом не иметь представления о причине его смерти. Раз тело не было обнаружено, это доказывает, что он перестал быть человеком и превратился в демона, а потому, как и полагается демонам, испарился после убийства. Но пропавшие слуги, гибель мужа Татьяны...

Консула, казалось, утомила эта речь.

– Татьяна Блэкторн заявила, что группа Сумеречных охотников из Института убила ее отца, а Руперт погиб в бою.

– Она не упомянула, что ее отец съел ее мужа? – поинтересовался Генри, наконец-то оторвавшись от газеты. – О да. Съел его. И оставил в саду его окровавленный башмак, который мы и нашли. На нем были следы зубов. Мне бы очень хотелось узнать, как вы это объясните.

– Я думаю, это можно посчитать сопротивлением, – заметил Уилл. – Он как-никак съел собственного зятя. Впрочем, полагаю, в любой семье случаются размолвки.

– Вы ведь не думаете, Джошуа, – сказала Шарлотта, – что нам нужно было схватить этого червя и связать его? Бенедикт был на последней стадии демонического сифилиса! Он сошел с ума и превратился в червя!

– Возможно, он сначала превратился в червя и только потом сошел с ума, – дипломатично предположил Уилл. – Мы

не вполне уверены, в каком порядке это происходило.

— Татьяна очень расстроена, — сказал консул. — Она хочет требовать возмещения ущерба...

— В таком случае я его возмещу, — заявил Габриэль, отодвинув стул и поднявшись на ноги. — Я до конца жизни буду отдавать своей взбалмошной сестре жалованье, если она того пожелает, но ни за что не признаю виновным ни себя, ни кого-либо из присутствующих. Да, я пустил стрелу ему в глаз. В глаз червю! И я бы сделал это еще раз. Кем бы ни была эта тварь, в ней не осталось ничего от моего отца.

Повисло молчание. Казалось, даже консул не знал, как на это ответить. Сесили отложила книгу и переводила взгляд с Габриэля на консула и обратно.

— Прошу прощения, консул, но Татьяна не знает всей правды, что бы она ни утверждала, — продолжил Габриэль. — Только я был с отцом, пока его болезнь прогрессировала. Все эти две недели в доме не было никого, кроме меня и сходящего с ума отца. В конце концов я приехал сюда и попросил о помощи своего брата. Шарлотта отправила с нами своих Сумеречных охотников. Когда мы добрались до особняка, та тварь, в которую превратился отец, уже разорвала на куски мужа моей сестры. Уверяю вас, консул, спасти отца не было ни малейшего шанса. Мы были в смертельной опасности и защищались, чтобы спасти свою жизнь.

— Тогда почему Татьяна...

— Потому что она чувствует себя униженной, — сказала

Тесс, молчавшая с того самого момента, когда консул вошел в столовую. — Она сама призналась мне. Она считает, что если станет известно о демоническом сифилисе, имя ее семьи окажется навсегда запятнанным. Полагаю, она пытается представить события в другом свете, надеясь, что вы опишете их Совету с ее слов. Но она лжет.

— Подумайте, консул, — призвал Гидеон, — что более вероятно? То, что все мы сошли с ума и убили моего отца, но его сыновья теперь не признаются в этом, или что Татьяна лжет? Вы ведь знаете, она никогда не отличалась рассудительностью.

Габриэль положил руку на спинку стула брата.

— Если вы полагаете, что я бы мог с такой легкостью пойти на убийство отца, — сказал он, — отправьте меня на допрос в Безмолвный Город.

— Скорее всего, это самый разумный выход, — кивнул консул.

Сесили с грохотом поставила на стол свою чашку, и все повернулись к девушке.

— Это несправедливо, — сказала она. — Он говорит правду. Как и все мы. И вы это знаете.

Консул смерил ее взглядом и снова повернулся к Шарлотте.

— Вы рассчитываете на мое доверие? — начал он. — И все же скрываете от меня свои действия. У каждого действия есть последствия, Шарлотта.

– Джошуа, я сообщила вам о том, что случилось в доме Лайтвудов, как только все вернулись в Институт и я удостоверилась, что никто не пострадал...

– Вам следовало сообщить мне раньше, – отрезал консул. – Как только к вам прибыл Габриэль. Ситуация была необычной. Но вы поступили так, что мне теперь придется вас защищать. Вы нарушили протокол и отправили Сумеречных охотников на задание без одобрения Совета.

– Не было времени...

– Хватит, – перебил ее консул, хотя в его голосе и не слышалось строгости. – Гидеон и Габриэль, вы отправитесь со мной на допрос в Безмолвный Город. – Шарлотта попыталась было возразить, но консул поднял руку, веля ей умолкнуть. – Если Безмолвные Братья не найдут ничего странного в показаниях Габриэля и Гидеона, я смогу спокойно ответить отказом на запрос Татьяны о возмещении ущерба. Вы двое, – консул Вейланд повернулся к братьям Лайтвудам, – спускайтесь вниз и ждите меня возле экипажа. Мы отправимся в Безмолвный Город вместе. Если Братья не найдут ничего любопытного, мы вернемся сюда, как только они закончат.

– *Если* они ничего не найдут, – презрительно повторил Гидеон.

Приобняв брата за плечи, он вывел его из столовой. Когда Гидеон закрывал за собой дверь, Тесс заметила, как что-то блеснуло у него на руке. Он снова надел кольцо Лайтвудов.

– А теперь, – сказал консул, повернувшись к Шарлотте, – объясните мне, почему вы не сообщили мне обо всем сразу же, как только Сумеречные охотники вернулись и вы узнали, что Бенедикт мертв?

Шарлотта опустила глаза и поджала губы.

– Я хотела защитить мальчиков, – объяснила она. – Я хотела, чтобы они немного отдохнули. Их отец только что скончался у них на глазах. Джошуа, им нужна была отсрочка. Не могла же я сразу отдать их вам на растерзание!

– Думаю, это не вся правда, – заметил консул, не обратив внимания на восклицание Шарлотты. – Бумаги и книги Бенедикта. Татьяна рассказала нам о них. Мы обыскали дом, но дневники пропали, стол Бенедикта пуст. Шарлотта, это расследование ведете не вы. Бумаги принадлежат Конклаву.

– Что вы рассчитываете в них найти? – спросил Генри, убрав газету с тарелки. Тон его был таким, будто ответ его абсолютно не волновал, но глаза Генри возбужденно сверкали.

– Сведения о его связи с Мортмейном. Сведения о других членах Конклава, которые могут быть связаны с Мортмейном. Любые зацепки, которые помогут нам выяснить, где находится Мортмейн...

– И его механизмы? – вставил Генри.

– Механизмы? – переспросил консул, так и не закончив фразы.

– Адские механизмы. Армия автоматов. Он создал це-

люю армию, чтобы победить Сумеречных охотников, и намеревается направить ее против нас, – объяснила Шарлотта, отложив салфетку. – Вообще-то, если верить заметкам Бенедикта, это произойдет уже довольно скоро.

– Значит, вы действительно забрали заметки и дневники из кабинета Лайтвуда. Инквизитор не сомневался в этом. – Консул провел рукой по лицу.

– Само собой, мы их забрали. И я, конечно, передам их вам, как и собиралась, – спокойно сказала Шарлотта.

Она позвонила в небольшой серебряный колокольчик, лежавший возле ее тарелки, и в комнате тотчас появилась Софи. Шарлотта что-то шепотом сказала ей, после чего девушка исчезла за дверью, сделав реверанс консулу.

– Вам следовало оставить бумаги там, где они и лежали, Шарлотта, – заметил консул. – Таков протокол.

– Я не могла не прочесть их...

– Вы должны следовать Закону, Шарлотта, и не подвергать сомнению мои решения. Выяснить, где находится Мортмейн, важнее, чем защитить братьев Лайтвудов. Вы не возглавляете Конклав. Вы входите в него на тех же правах, что и все, и подчиняетесь мне. Вам ясно?

– Да, консул, – кивнула Шарлотта как раз в тот момент, когда Софи вернулась в столовую и протянула консулу целую стопку бумаг. – В следующий раз, когда кто-нибудь из уважаемых членов Конклава превратится в червя и съест другого уважаемого члена Конклава, мы сообщим вам незамед-

лительно.

– Ваш отец был моим другом, – сквозь зубы проговорил консул. – Я доверял ему, а потому поверил и в вас. Не заставляйте меня сожалеть, что я назначил вас на этот пост и поддержал вас, когда Бенедикт Лайтвуд бросил вам вызов.

– Вы ведь выступили на стороне Бенедикта! – воскликнула Шарлотта. – Когда он дал мне всего две недели на невыполнимое задание, вы согласились! Вы ни слова не сказали в мою защиту! Если бы на моем месте был мужчина, вы бы так себя не вели.

– Если бы на вашем месте был мужчина, – произнес консул, – мне бы и не пришлось.

С этими словами он развернулся. Полы темной мантии закружились, тускло блеснули руны. Не успела дверь закрыться за ним, как Уилл прошипел:

– Как вы могли отдать ему бумаги? Они нужны нам...

Шарлотта снова опустилась на стул и, полуприкрыв глаза, сказала:

– Уилл, я всю ночь делала выписки и скопировала все важные места. Много было...

– Абракадаброй? – предположил Джем.

– Порнографией? – одновременно с ним произнес Уилл. – Впрочем, одно другому не мешает. Вы когда-нибудь слышали о порнографической абракадабре?

Джем усмехнулся, а Шарлотта закрыла лицо руками.

– Скорее первое, чем второе, если уж на то пошло, – ска-

зала она. – Я переписала все, что могла. Не могу передать, как я благодарна Софи за помощь. – Она подняла глаза. – Уилл, не забывай: теперь это не наше дело. Мортмейн – забота Конклава. По крайней мере, они сами так считают. Когда-то за Мортмейна отвечали только мы, но...

– Мы отвечаем за то, чтобы защитить Тесс! – Резкость Уилла удивила даже саму Тесс. Юноша побледнел, заметив, что все взгляды обратились к нему, но все равно продолжил: – Мортмейн все еще хочет ее заполучить. Нельзя считать, что он оставил попытки. Может, он вернется со своей армией автоматов, может, прибежит к чарам, а может, кто-нибудь предаст нас... Но он все равно вернется.

– Само собой, мы защитим Тесс, – уверила его Шарлотта. – Ведь она – одна из нас. И, кстати... – Она опустила взгляд. – Завтра возвращается Джессамина.

– Что? – Уилл опрокинул чашку и залил скатерть остатками чая.

Послышались удивленные возгласы, одна Сесили не поняла, из-за чего такой переполох. Тесс только глубоко вздохнула. В последний раз она видела Джессамину в Безмолвном Городе, и та была бледна и испугана, а по щекам ее катились слезы...

– Она пыталась предать нас, Шарлотта, – сказал Уилл. – А теперь вы просто позвольте ей вернуться?

– У нее нет семьи, а Конклав конфисковал все ее состояние. Кроме того, она сейчас просто не может жить одна. Два

месяца допросов в Городе Костей чуть не свели ее с ума. Не думаю, что она представляет для нас опасность.

– Мы и раньше не думали, что она представляет опасность, – неожиданно серьезно заметил Джем, – но из-за нее Тесс чуть не угодила в лапы Мортмейна, да и все мы оказались под угрозой.

Шарлотта покачала головой.

– Мы должны проявить милосердие. Джессамина сильно изменилась, она уже не та, кем была раньше. Вы бы и сами поняли это, если бы навестили ее в Безмолвном Городе.

– У меня нет желания навещать предателей, – холодно произнес Уилл. – Она по-прежнему твердит, что Мортмейн в Идрисе?

– Да, поэтому Безмолвные Братья и отказались от дальнейших допросов – они так и не смогли ничего от нее добиться. Она не посвящена ни в какие тайны и не знает ничего важного. И сама понимает это. Она чувствует себя никчемной. Если бы вы только могли поставить себя на ее место...

– Не сомневаюсь, что она просто строит из себя жертву и рвет на себе волосы на публику...

– Ну, раз она рвет на себе волосы... – протянул Джем, подмигнув другу. – Ты ведь знаешь, как сильно Джессамина любит свою внешность.

Уилл улыбнулся, хотя взгляд его оставался суровым.

– Вот увидите, вы даже не узнаете ее! – воскликнула Шарлотта. – Дайте ей всего неделю. Если к концу этой недели

вы так и не смиритесь с ее присутствием, я переправлю ее в Идрис. – Шарлотта отодвинула тарелку. – А теперь пора просмотреть мои выписки из бумаг Бенедикта. Кто готов помочь?

Кому: Консулу Джошуа Вейланду

От: Совета

Многоуважаемый господин консул!

До получения Вашего последнего письма мы полагали, что наши разногласия по поводу Шарлотты Бранвелл сводятся к простому несовпадению мнений. Хотя Вы и не давали разрешения на возвращение Джессамины Лавлейс в Институт, Безмолвное Братство позволило это, а такие вопросы находятся именно в ведении Братства. На наш взгляд, позволить девушке, несмотря на ее преступление, вернуться домой – а другого дома, кроме Института, у нее нет, – было очень великодушно. Что касается Вулси Скотта, он возглавляет организацию «Претор Люпус», которую мы давно считаем союзной нам.

*Ваше предположение о том, что миссис Бранвелл водит знакомство с возможными врагами Конклава, обеспокоило нас, однако без каких-либо доказательств мы не можем сделать на этот счет никаких выводов. Во имя Разиэля,
члены Совета нефилимов*

Во дворе стоял экипаж консула – ярко-красное ландо с монограммой Конклава на боку, запряженное двумя пре-

красными серыми жеребцами. День был дождливый, и извозчик, сидевший на козлах, с головой укрылся непромокаемым плащом. Хмурый консул, не проронивший ни слова с того самого момента, как он покинул институтскую столовую, велел Гидеону и Габриэлю разместиться в экипаже, а затем уселся сам и захлопнул за собой дверцу.

Экипаж тронулся, и Габриэль отвернулся к окну. Его мучило. Глаза горели. Начавшаяся накануне тошнота то проходила, то возвращалась с новой силой.

«Огромный червь... На последней стадии астриолы... демонического сифилиса».

Когда Шарлотта и Сумеречные охотники впервые предъявили обвинения его отцу, он не поверил. Отъезд Гидеона показался ему безумием, таким чудовищным предательством, какое можно было объяснить только помутнением рассудка. Отец обещал, что Гидеон еще передумает, что он вернется, чтобы принять участие в управлении имением и снова стать Лайтвудом. Но он не возвращался. Дни становились все короче и темнее, Габриэль видел отца все реже. Сначала в нем проснулось любопытство, а затем и страх.

«Бенедикта выследили и убили».

Выследили и убили. Габриэль снова и снова проговаривал про себя эти слова, но они не имели никакого смысла. Он убил монстра, как его и учили всю жизнь, но этот монстр не был его отцом. Казалось, его отец все еще жив и в любую минуту Габриэль может выглянуть из окна и увидеть, как он

идет по тропинке, как развевается на ветру его длинный серый плащ, как выделяется на фоне неба его точеный профиль.

– Габриэль, – ворвался в его мысли голос брата. – Габриэль, консул задал тебе вопрос.

Габриэль поднял глаза. Консул выжидающе смотрел на него. Экипаж ехал по Флит-стрит, вокруг сновали журналисты, адвокаты и уличные торговцы.

– Я спросил, – сказал консул, – нравится ли вам в Институте.

Габриэль удивленно моргнул. Последние несколько дней прошли как в тумане. Он помнил, как Шарлотта обнимала его. Как Гидеон смывал кровь с его рук. Как Сесили сверлила его яростным взглядом – и все равно была подобна прекрасному цветку.

– Там неплохо, – хрипло ответил он. – Но это не мой дом.

– Что и говорить, особняк Лайтвудов прекрасен, – понимающе кивнул консул. – Хоть и построен на крови.

Габриэль непонимающе взглянул на него. Гидеон недовольно отвернулся к окну и пробормотал:

– Я полагал, вы хотите поговорить с нами о Татьяне.

– Я знаю Татьяну, – ответил консул. – В ней нет ни здравого смысла вашего отца, ни доброты матери. Здесь она перешла все границы. Само собой, ее запрос о возмещении ущерба будет отклонен.

Гидеон повернулся и удивленно посмотрел на консула.

– Раз вы так мало значения придаете ее словам, зачем мы здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.